

12+

Екатерина Нильская

Есть тысячи имен...

Екатерина Нильская

Есть тысячи имен...

<https://litres.ru/74275242>

ISBN 9785007061797

Аннотация

Поэзия 2016—2026.

Единственное имя, живущее сначала,

Сиявшее в конце, и посреди времён,

Твое письмо Тому, кого ты не встречала,

Но как позвать, когда есть тысячи имен?

Есть тысячи имен...

Екатерина Нильская

© Екатерина Нильская, 2026

ISBN 978-5-0070-6179-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

— — Беседа Кришны и Дурьйодханы — —

Смерть — это участь, что предрешена

Для каждого из нас самим Творцом.

Я пал, но пал как воин, и она,

Богиня смерти смотрит мне в лицо.

Я выполнил свой долг, я шёл вперёд,

Не прятался за спинами других.

И пусть мой путь несправедным слывёт —

Я пал в бою, среди братьев дорогих.

Ведите же Пандавов! Пусть придут,

Пусть видят: я не дрогнул до конца.

Моё оружие — честь, мой путь — мой труд,

Я ухожу к обители Творца.

Свершил я жертвы, даровал дары,
Врагов топтал, не ведая преград.
В мире нетленные уйду среди земной игры,
Где ждут меня сто братьев, сто наград!

А вы... вы будете влечить свой век
В скорбях и муках на земле пустой.
Мой путь окончен — я счастливый человек!
Мой дух летит над вечной пустотой.

Но ты, о Кришна... Ты — причина бед!
Ты правил Пандавами как марионетками, всегда.
Ты — лицемер, ты — лживый их совет,
Ты — смерть моя, ты — главная беда!

Ты знал, что я погибну от обмана,
Ты сам подстроил этот страшный час!
Ударить ниже пояса — не рана!
Но рана в сердце, где огонь угас!

Ты славил путь свой, славил свой конец,
Но истина не в грохоте побед.
Ты пал, как пал безжалостный гордец,

Забыв законы всех священных Вед.

Ты выбрал битву, выбрал гнев и месть,
Ты был безумен в жадности своей,
Ты думал: слава даст тебе всё здесь,
Но истина — в прощении людей!

Твои грехи я назову сполна,
Чтоб слышал мир твой страшный грех!
Ты лгал отцу, ты предавал сполна,
Ты Драупади оскорбил при всех!

Ты сжёг дворец из зависти и зла,
Чтоб братьев погубить в огне — коварство!
И ненависть с ума тебя свела!
Чужим ты завладеть мечтал богатством!

Ты близких унижал в игре азартной,
Где вместе с дядей преступленье совершил!
Не думал ты о том что будет завтра!
Как много в этой жизни согрешил!

Ты выбрал битву, злостную игру.
Но истина — не в славе этих строк.
Твой дар — лишь боль и пепел на ветру,
Твой подвиг — лишь разрушенный чертог.

Я звал тебя к прощению поутру,
Но ты избрал несправедный итог.

Всё так... Ты прав. Я видел только трон.
Я презирал закон священных слов.
Но ты... ты знал... Мой путь был предрешён...
Теперь мой дух свободен от оков.

— — Кришна — танцор — —

В смятении Арджуна замер на поле,
Где долг и любовь затмили покой.
«Скажи, — он взмолился, — о Кришна, доколе?
Как биться с родными, наставь, я слепой!»

И Кришна, увидев тоску и сомненья,
Снял с друга покровы, что разум таят.
И вспыхнуло в небе слепое мгновенье
Вселенная сжалась в сияющий взгляд.

Он видел: повсюду, без меры, без края,
В едином потоке, в огне и во мгле,
Всё сущее, всё, что живет, умирая,

Слилось в бесконечном, безбрежном челе.

Там сонмы миров, словно искры, кружились,
Рождались и гибли в дыханье одном.
Там тысячи солнц в вышине золотились,
И бездна пылала ужаснейшим сном.

Он видел богов и чудовищ без счета,
И время текло, как расплавленный яд.
Там армии шли, где не видно прохода,
Где тысячи ртов ненасытных горят.

Арджуна узрел: в этом вихре великом
Все братья его, все родные его
Несутся к разверстым, безжалостным ликам,
Чтоб кануть в зияющей пасти Его.

«Кто Ты?!» — закричал он, теряя сознание,
«Владыка миров? Время? Хаос? Пожар?»
И голос ответил, неся состраданье:
«Я — Смерть, что разрушит их жизненный жар!»

Я — Время, что всё неизбежно разрушит.
Я здесь, чтобы кармы прервать колесо.
Вставай же, сражайся! Пускай эти души
Умрут, чтоб родиться... узрев новый сон!

Очнулся Арджуна. Затихли сраженья.
Растворился образ. Но в сердце навек
Остался тот ужас и то откровенье.
Не вынесет это простой человек.

И вся Курукшетра есть поле для жертвы,
Где жертву приносят великие боги.
И чтобы насытить всех тех кто бессмертны,
Иди и сражайся. По этой дороге.

Сияет вселенское время жестоко,
Подписан всем братьям твоим приговор.
Танцуй, если будет тебе одиноко...
Весь мир это танец, а Кришна — танцор.

— — Шакамбхари и Чхиннамаста — —

Непролитые слезы, те, что не вышли из глаз,
Станут причиной многих наших страданий...
Ты пролей их сейчас. Не ищи нужный день и час.
Словно Шакамбхари, владычица всех рыданий!

Ты пролей свои слезы. Вместе с пролитой кровью.
После пролитых слез совершать добро, знаешь, легче...
После пролитой крови — делиться своей любовью,

Словно Чхиннамаста, приди же к друзьям под вечер,

Накорми их всех — согласно их предпочтениям!

Шакамбхари дарует овощи, а Чхиннамаста — кровь,

Но единый вкус пищи — едино его значение!

Потому что из глаз вместо слез потечет любовь...

И живи с легким сердцем. И полной грудью дыши!

Сбрось свою ношу, страдания и обиды...

Потому что если внутри тебя часть Ее души,

Сделай так, чтобы всем это было прекрасно видно!

В каждой женщине — Мать! Сокрытое божество..

Проливает слезы, когда видит боль, обильно...

С человеком каждым ощущает свое родство!

И спасает от голода.. Но если он тактильный?

Если голод тактильный, кого же тебе обнять?

Если ищешь не мать, а подругу ушедших дней?

Посмотри на других. Но прошу не ищи меня.

Потому что иначе станет тебе больней...

— — Ганеша, я смотрела на луну — —

Неужели я смотрела на луну,

В день рождения могучего Ганеши?

Потому вменяют мне в вину,
То, в чем не виновата я, конечно!

Неужели танцевала средь апсар,
Когда в собрание вошла сама Индрани,
Дала проклятье или же мой дар...
Что каждый взгляд твой бесконечно ранит.

Я брахманов кормила не всегда?
И не считала то, что гость подобен богу?
Была мудра, увы, не по годам,
И тем кто старше, перешла дорогу?

Совсем не совершала поклоненье
Коровам, мудрецам и божествам.
Неужели я без всяких сожалений...
Была препятствием для свадебного торжества?

Что сделала? Чем заслужила это?
Каким грехом тебя я отпугнула?
И я брожу все дальше вновь по свету...
К тебе — другая женщина прильнула!

И ты не мой. Какая жалость, Боже.
Кого же Бог вписал в судьбу мою?
И дрожь порой бежит по моей коже...

Что в руку не возьму ладонь твою.

Неужели я смотрела на луну,
В день, когда рожден был слоноликий,
Прикасалась ли всегда к вину,
И жила среди безумцев диких?

В прошлой жизни чем себя сгубила,
Что любовь свою не обрела!
Где же ходит сердцу мой столь милый?
Тот, кого всегда в душе ждала?

И не совершала я аскезы,
Ревновала, злилась и лгала,
Потому не смотришь с интересом —
Потому и жизнь мне не мила!

Может быть тогда чревоугодье?
Лишнее ладду когда я съела?
О таких как я поют в народе,
Что страдать придется ей за дело!

Расскажи, могущественный Шива,
Тот кто луну носит в волосах,
Я смотрю игриво? Горделиво?
Я теряю веру в чудеса.

Как мне искупить мою вину?
Средство подскажите, искупление!
Ганеша, я смотрела на луну?
В праздник. В твой, Ганеша, день рождения...

Так брожу по свету я с вопросом...
Когда я обрету любовь свою?
Но молчит в ответ безликий космос.
Я в руку не возьму ладонь твою...

Так может быть Творцом Четырехликим,
Любовь иная есть в моей судьбе?
На волосах играют солнца блики...
Но нет дороги, что ведет к тебе.

И только лотос, что цветет в пруду,
Моей любви свидетель молчаливый.
А ты мне скажешь «Я к тебе приду».
В тот миг жизнь и окажется красивой...

— — Вараха и Бхуми — текст песни — —

Из бездны первозданной, из пены океана,
Из носа Брахма дэва родился Вараха великий!
Не вепрь, а воплощение божественного стана,

Как лотос голубой, сияет темно-ликий!

Богиня-земля Бхуми тонула в океане,
Демоном жестоким была унесена...
И мир тонул во лжи, печали, и обмане,
Но праведность и веру несла в душе Она!

Вараха! Ты — клык, пронзивший тьму!
Вараха! Ты — жертва, дань уму!
Ты поднял землю-мать на бивне, как алтарь,
Чтоб вновь цвела она под солнцем, как встарь.
Ты — Яджна, что в Ведах воспета,
Защита от злых сил и сияние рассвета!

И в битву Вепрь вступил без долгих разговоров!
Гордыня Хираньякши сотрясала все миры!
От ударов вепря раскололись горы,
Будто бы случился первозданный взрыв!

Упал сражённый демон... Содрогнулись все планеты...
Упал сражённый демон... В миры вечных льдин!
И на клыке, сверкая, как в ореоле света,
Она, земля-богиня, взмыла ввысь с глубин!

И прошли эпохи, и сменилось время,
Был вепрем, а теперь — божественный человек,

Тот, кто Хираньякшу поставил на колени,
Приходит ради дхармы в мир из века в век!

Вараха стал Кришной, чья флейта привлекала мирозда-
ние,

И нежность пришла в своей темно-синей гамме...
Земля-богиня спешила к нему на любовное свиданье...
Он узнал богиню Бхуми в нежной Сатьябхаме!

Вараха! Ты — клык, пронзивший тьму!
Вараха! Ты — жертва, дань уму!
Ты поднял землю-мать на бивне, как алтарь,
Чтоб вновь цвела она под солнцем, как встарь.
Ты — Яджна, что в Ведах воспета,
Защита от злых сил и сияние рассвета!

Любовь — это бивень, что держит все миры,
Любовь — это жертва без меры.
Любовь это вспышка и первозданный взрыв,
Любовь это живущая в сердце вера!

Поклоняйтесь богу, жертвуя собой...
На клыке у вепря — все наши молитвы!
Поклоняйтесь богу, и вступайте в бой!
Поклоняйтесь Богу в миг последней битвы!

Вараха и Бхуми, влюбленные друг в друга,
Кришна и Сатьябхама, чья любовь нерушима!
Верьте в свою силу — Бог подаст вам руку!
Правда побеждает среди историй лживых...

— — напиток с куркумой — —

Ты — будто бы напиток с куркумой.
Ты страсть. Пожар. Любовь. И шоколад.
Ты — сладкий чай. Ты лишняя выходной.
Ты кардамон. Полный цветов прекрасный сад.

Да, ты гроза. Ты ливень. Ураган.
Ты поезд, что несет обратно в детство.
Ты нежность. Ты любовь. Ты океан.
Ты милый мальчик, что жил по соседству.

Ты — лотос, что растет из тьмы и грязи.
Ты — свет, что освещает все миры.
Да, ты — цветок, что расцветает в вазе.
Ты победитель. Вспышка. Свет. И взрыв.

Ты — штора, за которой ночь любви.
Ты ангел, что спасает в трудный час.
Ты снова меня просишь «позови».
Ты не один. Ты не один из нас.

Да, ты — другой. Не он. Не я. Не мы.
Ты шоколад. Ты сладость на губах.
Ты — смелость выйти из своей тюрьмы.
Причина, по которой я груба.
Со всеми, кто не ты. Ведь ты — судьба.

Моя судьба. Или судьба миров?
Ты тот, кто все решит на этот раз.
Причина бросить посещать всех докторов.
На лбу сияешь словно третий глаз.

Да, ты — вино, налитое в бокал.
Причина, по которой женщины нарядны.
Из них тебя никто не привлекал.
Но все твои мечтали привлечь взгляды.

Ты — слезы. Карма, слезы и расплата.
Ты — ткань миров, ты радость бытия.
Ты песнь о том, о чем мне спеть бы надо...
О том, что я действительно твоя.

Ты куркума, ты мед, ты молоко.
Ты нежность, что прокралась прямо в дом...
С тобой — всегда приятно и легко...
Ты — то, что обретается с трудом.

— — Берегиня — —

Я пришла на поклон к своей Берегине.
К кукле, мне доставшейся по наследству.
Говорю, посмотри на меня, богиня.
Из меня как будто навек упорхнуло детство.

Оно будто бабочкой, что на носу сидела,
Будто бы ей до меня никакого дела...
Вдруг упорхнула, крыльями заметая...
Память о том, кем была я, кто я такая.

Но ты, Берегиня, милая, расскажи.
Расскажи, что значит большая жизнь,
Ждущая меня, милая, впереди.
Прошу, богиня, только не уходи.

Ты умещаешься лишь на моей ладошке,
Но, будто Макошь, знаешь, что жребий брошен,
А в твоём взгляде мудрости очень много,
Так укажи же путь, покажи дорогу.

Я положу тебя, куколка, в мой карман.
И по колено станет мне океан.
Лишь потому, что ты шепчешь всегда на ушко.

Тайны миров, как будто моя подружка.

Я от тебя узнаю всё о свете белом.
В нём никому до меня не бывает дела.
Ты моя Берегиня, лишь ты сумела
Вылечить меня в тот миг, когда я болела.

Я пришла на поклон к своей Берегине.

А она говорит:

— У меня созрел хитрый план.

Я говорю:

— Что задумала ты, богиня?

Она ответит:

— Прыгну я в твой карман!

И мы по свету белому побредём.

Много чудес и радостей мы найдём.

Пусть же мой рост небольшой, это только плюс.

Там, где ты боишься, я не боюсь.

Я могу проскользнуть в игольное ушко,

Я могу стать самой лучшей твоей подружкой.

Так я смеялась со своей Берегинею.

И поклонилась ей как моей богине.

Косы её пшеничные, цвета лета,

Были прекрасны, не описать поэтам...
Мудрость её, и нежность, и красоту.
Она для меня как будто бы сердца стук.

Куколки древней Руси были той загадкой,
Которую мир разгадать никогда не сможет.
Выпрыгнет из кармана — сделать зарядку,
И снова вернётся спать на красивом ложе...

Екатерина Нильская
Макошь — богиня судьбы в славянской мифологии.

— — бохо — —

В красивом платье — бохо-ветер,
Свобода в складках, свет в узоре.
Я — как дорога на рассвете,
Я — как взволнованное море.

Кисточки на платье шепчут: «Живи смело»,
Цветы на ткани — как мечты.
Иду легко — и миру в целом
Хватает этой простоты.

— — она — —

Мне хочется спеть о тех временах когда
Она четырьмя руками качала меня в колыбели.
А потом в темноте не взошла ни одна звезда.
Я был для нее потерян.

Она спустилась к побережью молочного океана.
И на лист баньяна меня уложила.
И я поплыл по волнам на том листе баньяна,
Судьба меня вихрем в танце своем кружила.

Я вырос большим и в порах моего тела...
Рождены вселенные — им не найти числа!
Им не найти границ, не найти предела.
Меня «МахаВишну» мать моя нарекла.

Но где же она? Когда я ее увижу?
Где та Богиня, что саму жизнь дала?
Мне бы мгновение к ней снова стать поближе...
Услышать, что сына мама всегда ждала!

Я исполняю ответственность. Долг. Забота.
Забота о мироздании на плечах...
И ее образ, как солнце в лучах восхода,
Всегда устраняет сердца мою печаль.

Екатерина Нильская

— — высшая драгоценность Махадэви — —

Если иные чувства ослабевают,
Не стоит пугаться — так суждено тебе.
Главное, сердце помнит, Она какая?
Вышита красной нитью в твоей судьбе.

Сквозь все тревоги, боли, страхи, печали,
То растворится в миг, не имея ценность,
Если впадаешь ты, милый друг, в отчаянье,
Помни, Она это высшая драгоценность!

Все исчезает. Лишь преданность Махадэви,
Твоя любовь к Шакти — в этом твоя душа!
И посмотри, как замирает время...
Линией нежной на кончике карандаша.

Образ ее рисуешь — он многорукий.
Дивный, могучий, нежный, в нем — все цвета!
И перед ней вновь складываешь свои руки.
Она как живая смотрит сейчас с листа.

Она наша Мать. Она Дэви Бхагавати.
Она как защитница яростная, ужасна...

Она — МахаЛакшми. Она — Мама Сарасвати.
Она — процветание. И она так прекрасна.

Екатерина Нильская
2026

— — Путь дхармы — —

Союз с праведной душой нерасторжим!
Так гласят Махабхараты вечной страницы,
В нашем сердце живет тот, кто не уничтожим,
Кто рожден скрывать истину в облике принца,

Только праведен кто? Как, Говинда, понять?
Голова у Арджуны разлетелась на части.
Партха, о милый друг, я устал объяснять,
Эту истину вечную, что несет счастье!

Не могу я понять. Ты поведай, прошу!
Спой мне песню о карме. О долге. О битве.
Без твоих наставлений я уже не дышу,
И не знаю кому возносить все молитвы!

С кем союз заключить? В ком увидеть врага?
И как выпустить стрелы в моих братьев, друзей?
Как узнать среди женщин, ту, что дорога,

И как сделать так, чтобы любила сильней?

Дхармы путь очень труден. Его не познать
Если скрыт он в словах, речевых оборотах,
Его сердцем, душой только можно узнать,
Кшатрий знает путь сердца — его путь охота.

Ты послушай дыханье свое среди тьмы,
Как оно прерывается или дрожит,
Потому что забыли людские умы,
Никогда не рожденный — не может быть жив!

Говорящий лишь правду — всегда враг богов,
Так мудрец сказал правду разбойникам лютым,
Где скрывается тот, в ком для них лишь улов,
Возлюбивший лишь правду — он враг Абсолюта!

Мудрец слово лишь молвил разбойникам лютым,
Где скрывается тот, кого ищут они,
И приверженность правде всего за минуту
Погубила невинного. В уме сохрани!

Но жестокий охотник пускает стрелу
От нее умирает задумавший злое,
Значит он творит благо, препятствуя злу,
Восхваляют его те, кто чтут неземное!

Пребывают в обмане прекрасные боги,
Соответствует дхарме твоя эта правдивость?
Потому Дрона наш с Экалавьей был строгим,
Чтоб никто не украл твою непобедимость!

А иначе она бы лишь в пыль обратилась.
Если б чтит Дрона правду, и дал справедливость,
То победа во сне даже бы не явилась,
Иногда сказать ложь — дхармы необходимость!

Как узнать душу праведную среди тех,
Кто идет в темноте и не видит дороги?
Как узнать, с кем союз тебе дарует успех,
А при чьей поддержке отвернутся все боги?

Но душа рвется к свету и дрогнет засов,
И никто никогда не сведет с пути нас!
Не позволь шуму внешних любых голосов
Заставить замолкнуть твой внутренний глас!

При виде кого все органы чувств твои приходят всегда в
беспокойство,

При виде кого помутняется разум, приходит в расстрой-
ство,

При виде кого ощущаешь тревогу без ясной причины!

Несомненно, он враг — с него скоро сорвешь ты личину.

При виде кого твое сердце наполнено радостью неизъяснимой,

Или ум пребывает спокойным, наполненным тишиной,

Значит с ним твой союз заключен небесами навеки незримый!

Он уже твой союзник — он праведен — он уже твой!

Союз с праведной душой нерасторжим,

Без обмана в войне не достать нам заветной победы!

Слон Ашваттхама погиб или все-таки жив?

Что на этот вопрос бы ответили вечные Веды?

— — ненаписанные стихи — —

О как бы много было стихов ненаписанных женской дрожащей рукой,

Если б каждый мужчина и вправду умел бы любить!

Потому что всех поэтесс терзает ужас и непокой,

Там где тонко — всегда рвется нить.

Потому что у всех поэтесс заплаканные глаза,

Потому что все поэтессы встревожены и ранимы,

Потому что они пишут о боли, которую знает вокзал,

Они пишут о чувстве, когда ты теряешь любимых.

Если б каждый мужчина умел любить бескорыстно,
Если б каждый умел защищать, понимать в миг беды!
То от ногтей поэтессы не оставался огрызок,
Ведь она грызет ногти, всегда оставляя следы.

А следы, что в душе, будто бы от огромных ботинок,
Наследили, и грязно, и больно. И больно в душе!
Каждый ищет на свете вторую свою половинку,
Ну а кто-то гордится, нашел мол такую уже.

Она тоже нашла. Но не знала что будет в итоге.
Как дрожащей рукой о нем будет писать свои строки,
Когда будет любить, и когда разойдутся дороги,
То тогда ощутит себя кем-то из тех одиноких,

Кому не с кем в кафе сходить, чтобы пить кофе,
Кому не с кем варить этот кофе в холодной квартире,
И поселится в сердце любовь к той своей катастрофе,
И останется леди одна в этом столь дивном мире.

И напишет о нем. И о боли, струящейся в венах.
Как ее целовал. Как ушел. Как не смог рядом быть.
И напишет о нем. И из сердце течет откровенно...
Река сладостных слов о не умевшем любить!

О как бы много было стихов ненаписанных женской дрожащей рукой,

Если б каждый мужчина и вправду умел бы любить!

Но ее боль терзает. Терзает ее непокой.

Ведь когда уходил, ее смогла его остановить...

Разве пишут о счастье? Нет. Им наслаждаются только,

Пишут только о боли. Несут ее в сердце всегда.

Хочется спросить бога... как долго еще? Еще сколько?

Ей нести в себе боль? Неужели она навсегда?

Неужели не расправить ей плечи, не выпрямить спину?

Неужели она никогда не окажется смелой?

Чтобы отказаться искать вторую себе половину,

Потому что она не нужна, если рождаешься целой.

— — Чхиннамаста — —

В храме светлом, где благодать течёт,

Чхиннамаста — богиня, что сердце зовёт.

Она кормящая мать, кормит своих подруг,

Защитница милая и вечный друг.

Устраняет жажду, даст напиться своею кровью,

Растворяет иллюзию «Я», головы лишенная!

Стоит на Каме и Рати, занятых любовью,

Такова богиня Чхиннамаста, в страсти искушенная!

Пламя её сердца — радость страстных в любви признаний!

В беде и радости — всегда она рядом.

Одна из десяти великих Знаний,

Даруй нам мудрость, сбросив свои наряды!

Мудрый Шива удивляется, услышав историю Парвати богини.

Как она подруг своих накормила кровью.

Страсть усиливается, и скромность тут же сгинет.

Слава Шиве и Шакти, занятых любовью!

Екатерина Нильская

— — Лакшми — —

Одари нас, Лакшми, царской властью, конями, слонами, дворцами, повозками, драгоценностями и украшениями, лучшими одеждами, приятными благовониями, вкусными блюдами, золотыми монетами, приятно звучащими музыкальными инструментами, одари наши дома богатством и уютом, одари нас верой, терпением, смирением, добродетелью, состраданием, радостью при виде удачи других, добротой и умением прощать зло, одари нас отсутствием гнева, от-

сутствием жадности, отсутствием зависти, отсутствием во-
ждедения к чужим возлюбленным, отсутствием похоти, ода-
ри нас отсутствием желания причинять вред другим! Одари
нас счастливыми сыновьями и прекрасными дочерьми, лю-
бящими родственниками и добрыми друзьями, долголетием
и веселым расположением духа, жизнью долгой, полной здо-
ровья и добрых вестей! Одари нас телами, которые лишены
болезней и недостатков, одари нас красотой, одари наш ум
сиянием мудрости. Одари наши души настроением радост-
ной Вайкунтхи, где на троне посреди прекрасного дворца
восседает великий защитник мироздания Вишну, обнимая
мать миров МахаЛакшми, и души, служащие им, окружаю-
щие их двоих, вечно счастливы и благоденствуют, как счаст-
лив мудрец Нарада, путешествующий по вселенной в облике
гандхарвы. Лакшми, стань нашей Кальпа-врикшей — дре-
вом исполнения желаний, не дай нам упасть в бездну страха,
боли и сомнений, освободи от рождения и смерти, от пре-
бывания в тесной утробе, освободи от болезней, освободи
от разлуки с теми, кого мы любим! Тех, кто желает нам зла,
отдали от нас, приблизь к нам тех, кто любит нас, и сделай
это чувство любви взаимным и возрастающим! Одари нас,
Лакшми, исполнением наших праведных желаний, уведи ум
от дурных помыслов, проведи нас, Лакшми, по лучшим до-
рогам, где цветут лотосы, и ноги не коснутся шипов. Пода-
ри нам, Лакшми, изобилие, чтобы насладились мы красо-
той, источником которой являешься ты, Лакшми. Лакшми,

проявись в нашем доме, сделав его прекрасным словно дворец, приведи за руку своего прекрасного племянника слоновликого Ганешу, который устраняет все препятствия на пути духовного развития, приведи своего владыку вечно благого Вишну, и пусть вы трое будете жить в нашем доме, принимая наше поклонение и даруя нам всяческие духовные и материальные блага!

Екатерина Нильская

— — Парвати — —

Ее округлое лицо, подобное полной луне, дарует прохладу тем, кто испытывает жар страдания в материальном мире... Ее глаза, подобные лепесткам лотоса, всегда очень подвижны. Ее алые губы подобны плодам бимба, а нос — цветку сезама, ее уши украшены прекрасными сияющими серьгами. Ее взгляд дарует счастье, она обитель сострадания. Ее подвижные брови и нежные взгляды всегда удивляют Шиву, который в то же мгновение отказывается считать Бога любви Каму своим врагом. Ее голову украшает драгоценная корона, подаренная ей богиней небес Шачи. Ее корона украшена полумесяцем. Ее роскошные длинные темные волосы спускаются вниз по плечам. Господь Шива любит перебирать ее волосы своими руками и нежно заплетать их в две косы. Когда он заплетает ей косы, то кажется, что ее косы

подобны темным змеям, струящимся по спине. Ее нежные подобные стеблям лотоса руки украшены золотыми браслетами. В одной руке она держит трезубец, второй рукой гладит по голове своего сына Ганешу, третьей рукой гладит по голове Картикею, а четвертой рукой дарует знак бесстрашия всем живым существам во всех мирах. Она носит гирлянду из цветов, в которых жужжат пчелы. Она одета в красное сари, украшена прекрасными ожерельями, на тонкой талии она носит пояс из драгоценных камней. Говорят, что ее обитель — Кайлаш, а другая ее обитель — сердце Шивы, а третья обитель — гора Виндхья, а четвертая обитель — сердца ее преданных. Когда она ходит, ее походка подобна походке слона, или же иногда походке царственного лебедя, который умеет отделять молоко от воды. Когда она говорит, кажется, что журчит ручей, а иногда кажется, что течет стремительная Ганга, готовая соединиться со своим супругом-океаном. Шива видит в ней свою супругу, другие боги видят в ней свою мать, богини видят в ней сестру, люди видят в ней облик своих матерей. Асуры и Данавы, которые видят в ней объект вожделения и страсти, расстаются с жизнью на поле битвы. После смерти от ее руки эти асуры очищаются и отправляются в рай Индры, разве не в этом заключается ее бесконечное сострадание, если она милосердна даже к тем, кто недобр к ней? Что же говорить о тех, кто любит ее словно свою мать? Жена царя лунной династии Нахуши прекрасная Ашокасундари родилась как ее дочь под деревом желан-

ний Кальпаврикша. Она избавила свою мать от печали, что у нее две сына, но нет дочери. Но по правде говоря, все живые существа во всех мирах — ее дети. Восславим же Парвати, которая играет роль сестры всемогущего Вишну. Восславим же Шакти, которая принимает облик Лакшми и становится супругой Вишну, которая принимает облик Сарасвати и становится супругой Брахмы, которая принимает облик Парвати и становится супругой Шивы, которая принимает облик Кали и становится супругой Бхайравы, которая принимает облик Ганги и становится супругой Океана, которая принимает облик Туласи и становится супругой Кришны, которая принимает облик Ситы и становится супругой Рамы! Ом!

Екатерина Нильская

— — боги бросают в коробки свои игрушки — —

«От погребальных костров Варанаси исходит так много света,

И в этом сиянии мы возродимся, боже...»

От бессонницы голова по ночам все сильнее кружится.

В полудрёме снится что от всех кого ты любила, осталась лужица.

Мокрая лужица. Просто пятно. Они кем-то все стёрты и изувечены.

И любви в тебе нет к ним, как нет в тебе человеческого.

Это небо спускается ниже, целует тебя в макушку.
Боги шепчут с небес, что люди для них игрушки.
Они поиграли, устали, и вас в коробку бросив,
Ушли поспать. Для людей наступила осень.

Да, ты очень устала, только это совсем не лечится.
Призраки всюду, толкают во тьму бездонную.
Хочется, просится, молится что-то внутри столь вечное...
Но ты для них всех невкусная. Несъедобная.

От этих магнитных бурей голова болит только сильнее.
Любимые не звонят — и вспышки на солнце не греют.
И кажется что у пропасти среди тьмы
Строили план как сбежать из большой тюрьмы.

Но забыли. У каждого тюрьма своя. Тюрьма черепной коробки.

От которой ты не сбежишь, как котенок робкий
Прячется под диваном, не зная что хвост его виден.
Не спрячешься ты. Да, все тебя ненавидят.

А может ты всем безразлична — уже неважно.
Что там за чертой, за которой уже не страшно?
Черта происходит от слова черт, который смешной, рога-

тый.

Тебе тянет руку, но что он в карманах спрятал?

Беги от него. От бессонницы кружит голову.

Когда-то любила и то было правда здорово.

Сладко, безумно, затейливо, обнимательно.

Ну а сейчас ты летишь словно по касательной.

Сейчас все тексты где все мотыльками на свет от любви сгорают.

Не о тебе написаны. От нежности не умирают.

От нее только задыхаются, но дышать продолжают все же.

Когда он в последний раз касается твоей кожи.

Ты неуверенно делаешь шаг назад.

И видишь огромное темное небо, а в небе его глаза.

В бескрайнем взгляде любовь лишь к тебе одной.

Тьма этих морей тебя манит своей глубиной.

Тьма этих ночей такова, что душа болит.

Прочитай всем богам из всех книг тысячи молитв.

В полудрёме снится что от всех кого ты любила осталась лужица.

От бессонницы голова все сильнее кружится.

Они все лежат в неестественных позах, все изувечены.

Кто их такими сделал? Бесчеловечными.
Это небо спускается ниже, целует тебя в макушку.
Боги бросают в коробки свои игрушки.

И тогда гробы с игрушками в землю уходят.
Их уже не достанут чтобы опять поиграть.
Боги взрослеют. На небосводе всходит
Новое солнце, и некого вспоминать.

Но мы родимся снова — поверь же в это!
От погребальных костров Варанаси исходит так много
света,

И в этом сиянии мы возродимся, боже.
Будешь ты мне на свете всего дороже.

Будем любить. Без бессонницы сладко спать.
Забудем о том, каково это умирать.
Мокрая лужица в океан обратится...
Плыви. Плескайся. Пускай это дольше снится.

Пускай этот сон не закончится. Он столь сладок.
Средь школьных тетрадок, писем и шоколадок
Узнай меня снова. Давай вместе сладко спать.
Забудем о том, каково это — умирать.

Екатерина Нильская

— — сезон дождей — —

Ты знаешь что такое сезон дождей?

Это слезы богинь, текущие небесной рекой.

Когда их мужья-боги теряются в толпах людей.

И земным смертным женщинам слезы стирают рукой,

С их земных смертных лиц, чьи улыбки дарят блаженства.

Все богини как куклы. Красивы и идеальны.

Боги влюбляются в женщин, несущих в себе величие
несовершенства,

Сыновья таких пар воистину гениальны.

Быть сыном бога и земной женщины значит прослыть ге-
роем.

И каждый твой шаг обратят в подвиг в сказаниях мудре-
цы.

Сыновья богинь пребывают в блаженном покое.

Пока сыновьями земных женщин гордятся божественные
отцы.

Пока они проливают кровь в каждом своем бою.

Сын бога все миры держит на своей ладони,

Он с любовью и страстью ношу несет свою,

И его взгляд бездонен.

Ты знаешь, наступает сезон дождей.
Если пойдешь прогуляться, не забудь взять зонт.
На охоту выходят боги. Бродят среди людей.
И их взгляды всегда стремятся за горизонт,

Наступает сезон дождей. Богини плачут в дворцах небесных.

Иди прогуляться. Быть может, ты встретишь бога?
Он среди нас. И встретить его чудесно...
Выходи поскорей. Он ждет тебя у порога.

И спускаются небесные богини, несущие на себе печать совершенства,

Прознать секрет земных женщин, пройти их земные дороги.

Чтобы узнать, какое в себе затаили блаженство,
Смертные женщины, в которых влюбляются боги.

Узнав о секрете, богини начинают покрываться морщинами,

Улыбаться с ямочкой на щеке, каждое утро расчесывать заново волосы...

Терять украшения. Себя окружают мужчинами,
Которые поют о любви вновь и вновь своим дивным голосом.

Узнав о секрете этих земных отношений,
Они готовы забыть свой рай, и на земле остаться.
Каждая счастливая женщина по-своему несовершенна.
У каждой беды свои, и битвы где ей сражаться.

Каждая несчастная женщина идеальна во всех проявлениях.

Она не совершает ошибок. И в помощи не нуждается.
Как же такая женщина сможет найти отношения?
Если она не тает, когда кто-то к ней прикасается.

Глядеть на мужчину с обожанием — путь к нему и дорога.
Богини раскрыли тайну. Как им вернуть своих мужей назад...

Лишь точка зрения женщины делает мужчину богом.
Мужчина становится богом, когда ловит женский взгляд.

— — маха вишну — —

Возлежит Маха Вишну на дивной подушке,
Нет числа тем мирам, что живут в его теле,
В них живем даже мы. Все мы чистые души,
Мы — частицы его. Ну а он беспределен!

У него нет границ. Среди тьмы океана

Слышно только дыхание, что волны вздымает,
В глубине наших душ среди тьмы и тумана
Там находится тот, создающий всю Майю...

Майя спит рядом с ним. В своем шелковом сари,
Своим милым забвением крадет его разум,
Этот мир для нее. Ей был создан. Подарен.
Океан затихает будто бы по приказу...

Тишина оглушает. Почти что беззвучно.
Пропуская сквозь пальцы ее дивные волосы,
Вишну Майю обнимет. Они неразлучны!
От любви у него из пупка растут лотосы.

Где-то средь тишины слышен голос вселенной,
Брахма снова рожден. Повторяет он «Ом!»,
Разрастается мир в тот же миг непременно,
Мир, в котором отыщем свой край и свой дом.

Возлежит Маха Вишну на дивной подушке,
Маха Лакшми с ним рядом забылась сном сладким...
Тоже мы как они. Тоже вечные души.
И однажды мы сможем понять ту загадку.

Почему я молчу, а тебе будто слышно,
Почему ты всегда знаешь мысли мои.

Почему проникаешь в мой разум, о Вишну,
Вновь меня побуждая петь лишь о любви?

Ракхумаи! Витхоба! О Кришна! О Радха!
Обладающий тысячей сладких имен...
Как их все повторить? Как понять их? Загадка...
Разгадает лишь тот из нас, кто был влюблен.

Екатерина Нильская

— — Но куда же идти, когда отвернулись все боги? — —

В детстве плавать любил, строить замки на теплом песке,
И бежать сразу к маме, когда нахлебался воды,
А теперь смотришь в море — видишь мечты вдалеке,
На песке оставляя не замки, а только следы.

А теперь ты застыл — смотришь в море, и видится шторм,
И волна омывает босые усталые ноги.
Где-то на глубине, в самом сердце ты ищешь свой дом,
Но куда же идти, когда отвернулись все боги?

Смотришь в море — там тишь, и ты очарован водой,
Водной гладью так манят тебя вновь чужие края,
Может быть, было б лучше родиться морскою звездой,
Ведь тебя примет море, раз не принимает семья.

Ведь тебя примет море, раз не принимают друзья.
Ведь тебя примет море, раз не принимают врачи.
И не примет лишь та, кому снова шептал ты «моя»...
Только море тебя понимает, с тобою молчит.

В детстве плавать любил, строить замки на теплом песке.
А теперь все песочные замки разрушены были.
А теперь смотришь в море — и видишь мечты вдалеке,
И ты веришь, что боги тебя наконец-то простили.

Ты нашел свой причал. Свой маяк. Этот берег — твой дом.

Поселись здесь у моря, оставив дела и людей.
И пускай в твоём горле застыл тот отчаянный ком...
С кем тебе говорить, если ты всегда лишний везде?

Только море молчит. Обнимает морскою волной.
И морская принцесса с глубин тебе машет хвостом.
Может быть, полюбила? И с нею, и с нею одной...
Обретишь в этих водах навеки свой сказочный дом.

Но довольно о боли! Не стоит о ней говорить.
Боль уйдет, едва только коснешься ногами воды.
Да, мечты не сбылись. Но судьбу не желая винить,
На песке оставляешь не замки, а только следы.

Ты уходишь с котомкой в какой-то диковинный край,
Чтоб вернуться назад с рюкзаком, полным дивных раку-
шек...

Кто-то просит тебя: «Ты прошу меня не забывай»...
И когда-нибудь снова, прошу, возвращайся на сушу!

Я приду тебя слушать. Возьмем чай с печеньем, и плед.
Поцелуи соленые, ведь со слезами смешались.
На морском берегу встретим вместе прекрасный рассвет.
И никто не узнает, о чем мы с тобою шептались..

— — ее глаза — —

Ее глаза горят как две звезды,
Что освещают ночью тьму небес,
Она — пламя костра, жертвенный дым!
Она — море и горы, солнце, лес,

Она — как вспышка, молния в грозу,
Струится по спине словно змея,
Тьма волос заплетена в косу,
В этой тьме не видел света я!

Она — восторг. Безумие. И ночь.
Она как путь сквозь тысячу препятствий,

Который никогда не превозмочь,
Она — мысль о потерянном богатстве...

Но то богатство видишь только в ней.
Она — сокровищница! Не буди дракона!
Она принцесса. Запрягай коней!
Она — тому, кто был рожден для трона.

В ней нежность обрела свое прибежище,
Во взгляде чарующем светятся все миры,
В ее объятиях я хотел найти убежище,
К ее стопам хотел нести дары!

Она сама как дар. Взгляни на тонкость пальцев,
Что заслужили кольца и камни,
Она как дом для брошенных скитальцев,
Взгляни на ее руки хоть мгновенье!

Ее запястья, видишь, так тонки.
Их бы облечь в прекрасные браслеты,
Она запомнит меня только лишь таким,
Кто для нее средь зим бы создал лето.

Порой глядит — сказать как будто хочет,
Но не сорвется слова с ее губ!
И боги надо мной всю хохочут,

И от меня ее вновь берегут!

Я не могу коснуться. Я сгораю.
В том взгляде, что наполнен лишь огнем.
Я брошусь в реку. Словно умираю!
Она — как сон, которым мы уснем...

И никогда вовеки не проснемся.
Чтобы во снах ловить случайный взгляд,
Быть может, мы друг другу улыбнемся,
Вспять обращая дивный листопад?

И листья, что землю ковром устлали,
Обратно к веткам мигом приросли,
И обретут все то, что потеряли
Все жители страдающей Земли.

И просят все стороны света!
Цветочный дождь прольют боги с небес.
Уйдет зима и станет вечным лето,
Моря и горы, солнце, небо, лес...

Екатерина Нильская

— — шалунья — —

Шалунья мама Кали Придумала игру.
Все тигры убежали. Шива лежит как труп.
Попал в ловушку бед! Ведь без шкуры тигровой
В пространство он одет! В лесах мычит корова.

Таким его не знали! Остался он нагим.
И на шалунью Кали с нежностью глядит.
Кто-то издали поет красивый гимн.
И где-то кричат боги: «о Шива, защити!»

Шива закрыл глаза. Для нового рожденья.
Мать Кали ужаснулась — любимый неподвижен!
И чтоб вымолить прощенье...
Наклонилась к Шиве немножечко поближе...

Тогда он маму Кали с любовью целовал.
Укрылся этим миром как сотней одеял.
И в сари мамы Кали запутался в обиде...
И кажется, что Шиву с тех пор никто не видел...

Екатерина Нильская

— — ящик пандоры — —

Не судите Пандору за этот открытый ящик,
Может быть, она его вовсе не открывала,

Просто он выскользнул из рук, как выскальзывает настоящее,
ящее,

Как песок сквозь пальцы времени покрывало,

Не судите Пандору. Быть может, она влюбилась,

Ящик из рук упал, и разбился его замок.

Может быть, эта боль вам только лишь просто снилась.

Может быть, эта жизнь — испытание и урок.

Не судите Пандору. Не нужно ее судить.

Вам бы знать ее чувства — осталась одна надежда!

Не надо раны старые беречь.

Помнишь, как перед ним осталась ты без одежды,

Помнишь, как... неважно. Пандора была права.

Ведь надежда все бьется в тлеющем ее сердце.

Ящик Пандоры открыт. Но она жива.

И она успела захлопнуть скорее дверцу.

И осталась надежда. Что снова будешь с ним.

Что опять поцелуешь губы его, как сладость.

Спасибо, Пандора. Ведь каждый неуязвим.

Спасибо, поскольку надежда дарует радость.

— — пленительный Кришна — —

Вспоминаю тебя — со смесью любви и печали,
Ночами во сне вижу образ твой, дивный и светлый,
Ты мой самый любимый, меня ты целуешь ночами,
По утрам просыпаюсь и помню — любовь безответна.

Но все же мне помнишься — жестом, улыбкой и словом,
Вспоминаешься в сумерки — как же прекрасны они!
Когда ночь с дня срывает одежды, спадают покровы,
Сладость свежего воздуха в легких своих сохрани.

Сохрани ты улыбку — на своих прекрасных устах.
И в своем нежном взоре, что в небеса устремится,
Храни нежность свою, устраняющую всякий страх,
Пусть любовь твоя вечность мне снится и снится и снится...
ся...

Я не знаю тебя. Я не знаю дороги твои.
По которым идешь ты с котомкой опять за плечами.
Только знаю, что ты, ты пришел говорить о любви.
Ты сказал только слово — а все остальные молчали.

Сделал ты только жест — жест бесстрашия, благословения,
ня,

Поднял руку свою, и на головы нам возложил.
Как прекрасно-стремительно исчезли все эти мгновенья,
Вспоминая о них, каждый чувствует — ты снова жив.

Ты живешь в нашей памяти. Что она, если не майя?
Наша память — иллюзия. Глупость. И проблеск надежд.
Милосердному Кришне и Гите его вновь внимая...
Мы сорвали покровы иллюзии и всех надежд.

Я та самая гопи, которой ты снишься ночами.
Ты тот самый пленительный, но ускользающий свет.
Ты мой самый любимый, меня ты целуешь ночами,
По утрам просыпаюсь — и вижу, тебя рядом нет.

Но я знаю, ты в сердце — и сердце мое не напрасно
Снова бьется сильнее, ведь нежность в нем снова цветет!
Лотос этой любви раскрывается — страсть не угасла!
И на озере страсти дрожит и ломается лед.

Потекут эти воды — рекою стремительной, быстрой,
О пленительный Кришна, тебя ожидает война.
Не погибнет лишь тот, чья любовь к тебе будет столь чи-
стой,

Ведь из всех времен года, о Кришна, ты только весна!

За тебя я волнуюсь, пусть будешь ты лишь колесничим,
Колесничему в битве погибнуть и правда легко.
И я падаю в травы, и там я лежу вновь навзничь,
Подо мной океан — в океане бежит молоко.

Колесничих не помнят — лишь воинам почесть победы.
Отдал ты свою славу Арджуне, и славы лишен!
Наши души в тела в миг рождения были одеты,
Но об этом не знаем и каждый из нас уstraшен.

Только ты знаешь истину. Но она мне неизвестна.
Знаю я только то, как тебя целовать, обнимать...
Падать в рук твоих сладких могучую темную бездну,
Кришна, Радха устала. Устала она тосковать!

Вспоминаю тебя — со смесью любви и печали,
Ночами во сне вижу образ твой, дивный и темный,
Ты мой самый любимый, меня ты целуешь ночами,
Радха мужа оставила и Радха стала бездомной.

Радха всех позабыла — она лишь к тебе устремилась.
Сари вновь соскользнуло с ее золотого плеча.

Ты пришел, чтоб сказать, что разлука ей только приснилась.

Разве солнцу подобна горящая в доме свеча?

— — безмолвие — —

Из состояния безмолвия,
по лестнице многоступенчатой,

Сияет истина как молния,
Я говорю — познайте вечное

В попытке отыскать искомое,
И выйти из ума-тюрьмы,
Чтоб не упасть, стелить солому?
Поймите, что солома — вы.

Да, вы — сознание могучее,
Что телом обладает этим.
А ум словно река текучая,
И мысли в нем как будто дети,

О жертвы, жертвы легкомыслия
Плетущие всю ткань реальности,
Вы знаете сладость безмыслия,
И красоту его бескрайности?

Единожды коснувшись этого,
Капля сольется с океаном.
Эта земля, солнцем согретая,
Покрытая сплошным туманом,

Где души в вечной круговерти
Свои тела-одежду носят,
И так боятся сильно смерти,

Никто из них даже не спросит!

Никто и не захочет знания,
О том, что он душа, не тело!
Что лишь в иллюзии страдание,
Познавший это, будет смелым!

Познавший, что жизнь — просто сон,
И люди в ней играют роли,
Не родится снова он,
И не познает снова боли!

Ошибка ваша в том единая:
Мысль, что вы были рождены,
Только реальность неделимая!
В которой ум рисует сны.

Во сне вам голову срубили
Острейшим и большим мечом.
Во сне вы жили и любили!
Но сами стали палачом.

Проснулись — голова на месте,
Сон растворился без следа.
Но если сон этот исчезнет,
Он не вернется никогда.

В попытке отыскать искомое,
И выйти из ума-тюрьмы,
Чтоб не упасть, стелить солому?
Поймите, что солома — вы.

— — бог солнца Ра — —

Бог солнца Ра в своей ладье плывет по небу все быстрее,
А впереди него свой шар катит огромный скарабей,
Приходит ночь. Приходит тьма. Ра уступает темноте.
И око Хепри — о Луна — подобна радостной звезде.

Что освещает людям путь. Осирис судит все дела.
И даже ночью не укрыться врагам божественного Ра!
От бога царства мертвых душ Исида Хора родила,
И заклинаньем с ее уст начнется новая игра.

Но Хора в детстве укусил огромный страшный скорпион.
И мать богов Исида плачет — и слезы льются все быстрее.
Хор не умрет. Он исцелится. Воссядет на прекрасный
трон,
Ей обещает это с неба могучий дивный скарабей!

Исиде только лишь одно ночами долгими все снится.
Но лишь одно ей неподвластно, и лишь одно ее тревожит,

Ее возлюбленный Осирис навеки заключен в гробницах.
Ей останется только помнить. Вернуть его она не сможет.

Но сын Осириса сияет своей телесной красотой!

Он убивает всех врагов тем диском, что держит в руках.

Он защищает Солнце Ра, что в небе вновь взойдет звездой,

Что устраняет все печали и изгоняет каждый страх.

Бог с ликом скарабея Хепри, кто приоткроет тайнам дверцу,

Он в водах первозданных Нут среди океана одинок.

Но создал всю вселенную из собственного сердца,

И воспевают то жрецы, как был велик Творец и бог!

Ра с соколиной головой в ладью вновь по утру садится.

В его сиянии весь мир проснется, прогоняя сны.

Львиноголовая Сехмет танцует, кровь пьет, и резвится,

Измерить кто способен силу удара лап и их длины?

В то время Статую Бастет, мурчащую от удовольствий,

Из храма вынесут с почтеньем на берега славного Нила.

Эта священная река сияет в солнечных лучах.

И кажется, миролюбивы даже большие крокодилы,

Бастет мурчит. И ее радость в кошачьих видится очах.

Хатхор, небесная корова, жена воинственного Хора,
Весь мир кормящая своим чудесным сладким молоком,
Солнечный диск между рогами устраняет все раздоры,
Она богиня материнства. И каждый близок и знаком!

Прославим же дивного Птаха! Покровителя искусств!
Он мудрость воплощает в жесте своем творения миров.
Он душа мира. Без него мир одинок и очень пуст,
Он так силен, как будто пламя не угасающих костров!

Бог Солнца Ра в своей ладье плывет по небу все быстрее,
А впереди него свой шар катит огромный скарабей.
Древний Египет оживает в своих легендах, пирамидах!
И по Осирису тоскует в него влюбленная Исида!

— — нежность — —

Хотя живем под крышей мы одной,
В сезон дождей не ластимся друг к другу.
Пусть лунный свет струится неземной,
Кто не влюблен, боится ли разлуку?

Да разве потеряю я к тебе,
Привязанность, которой не имею?
Ты думаешь, что мне не по себе,
От чувства, что тобой я не болею?

Я не болею. Я здорова. Прочь!
Откройте двери. Целовать не нужно.
Меж нами нет любви. Как тут помочь?
Меж нами нет даже секунды дружбы.

Хотя живем под крышей мы одной,
Нет сладости в столь глупых поцелуях.
Хотя ты муж, а я зовусь женой,
С тобой я ни за что не потанцую!

И сделать чай в холодный зимний вечер
Тебе я ни за что не поспешу.
К другому я спешить буду на встречу.
Ради него живу я и дышу!

И рядом с ним я буду очень нежной.
Такой, какой меня не видел ты.
И из груди через мою одежду,
Растут благоуханные цветы.

Любовь это безумное ненастье.
Уйдет и растворится без следа.
Лишь нежность никогда в душе не гаснет.
Лишь ею покоряют города!

— — женщина — —

В Индии женщина без лица.
Там не увидишь ты два кольца.
Лишь порошок на проборе красный.
Никто не спросит ее: «Согласна?»

Там нет любви — все решит договор.
Семья жениха о приданом попросит.
Но смертный не вынесен ей приговор,
Хоть красную точку на лбу она носит.

Муж против воли желает касаться.
Свекровь заставляет вставать на рассвете.
Неважно, что девочке только пятнадцать.
Неважно. Взрослеют индийские дети.

Так быстро ребенок родился. И плачет.
Пощечина мужа. И боли в груди.
И ни для кого ничего и не значит,
Что с нею способно здесь произойти.

Она лишь служанка. И в сари одета.
А в сари бежать нелегко — проверяли?
Куда убежать? Только с новым рассветом...
Солнце встает, хоть его и не ждали.

В Индии женщина без лица,
Хоть поклоняются в храмах Богине,
Хоть восхваляют благого Творца,
Только там женщина как на чужбине...

В доме у мужа нельзя ей сказать
Лишнее слово. Иначе — на битву!
Ты обрати взор, Вселенская Мать,
Услышь женщин Индии эти молитвы!

Как же ей больно. Как слезы текут.
Как она просто мечтает о счастье.
Ей пренебрегают. И не берегут.
Она у отца и у мужа во власти.

Быть может, забыв эту боль и тоску,
Она рассмеется, как будто безумец,
Босыми ногами бежит по песку.
В руках поднимая страшнейший трезубец.

Тогда лишь свобода — свобода взлететь.
От боли, насилия и оскорблений.
Ведь стоит лишь женщине то захотеть,
Над домом и родом сгущаются тени!

Где женщину любят — там живут боги!
Как Ману в законах своих возгласил!
Где ее оскорбляют — стоит на пороге...
Большая беда. Кто ее пригласил?

— — золотистый олень — —

Золотой олень не придет к тебе, Сита,
Хоть ты видишь во снах его сладкую тень,
Твоя жизнь уничтожена, мечты позабыты!
Смотришь в точку в одну пред глазами весь день.

Вспоминая о Раме, в саду из деревьев Ашоки,
И текут твои слезы, как плачет природа во время сезона
дождей,

Почему в час беды человек без конца одинокий?
Почему ты в разлуке сгораешь от боли своей?

Проклинаю оленя, его золотое сиянье!
Образ Майи, который от Бога уводит тебя в темноту!
Но в уме разрастается только одно лишь желанье
Снова Раму увидеть. Его ощутить теплоту.

Ведь без Рамы вся жизнь — одинокое чувство несчастья,
Не придет к тебе, Сита, твой золотистый олень!
И сломались браслеты на хрупких и нежных запястьях,

И упала на них обезьяны огромная тень...

Скоро Шива великий, прославленный высшими риши,
В облике обезьяны придет, чтоб надежду твою возродить!
Ну а в следующей жизни на флейте божественный Криш-

на...

Тебя в облике Радхи придет бесконечно любить.

Подожди лишь немного. И Равана будет разбит,
Разрыдается он над телами своих сыновей,
А потом будет сам в битве жестокой убит,
И случится все это всего лишь за несколько дней!

В этой жизни так больно. Но в следующей будет иначе,
Примешь облик Рукмини, и Рама придет словно Криш-

на...

Никогда не расстанешься с ним. Никогда не заплачешь.
Обещал тебе Шива, прославленный высшими риши!

Золотистый олень словно вселенная Майи,
И все люди в иллюзии. Каждому снится олень!
Отвернувшись от Бога, забыв его, не понимаем,
Что надежду несет обезьяны блаженная тень.

Екатерина Нильская

— — Будда — —

Он прохлада для страдающего ума,
Он гасит огонь болезней и дарит просветление,
Он дарит свет, когда окружает тьма,
И птицы поют о нем, и прекрасно пение.

Он обманчивый Вишну, рожденный ради игры.
Он защитник мира, пришел в облике Будды.
Боддхисатвы, дакини ему поднесут дары!
И наполнены золотом доверху их сосуды.

Только он говорит: не проводите различий
Между глиной земной и слитком из чистого золота!
Как описать наставлений его величие?
Он — теплое лето среди бесконечного холода!

О Будда, Будда! — кто так скажет хотя бы раз,
И кто предложит с чистой любовью ему поднесет цветы,
На того посмотрит спокойный прищуренный глаз,
Как символ той привлекательной красоты,

Которую образ Будды в себе сокрыл!
О красота! Вся Жизнь без тебя — страданье!
Сияет Будда, его светоносный пыл...
Его красота не ведает увяданья!

Она привлекает мир, и подобна музе,
Достигнет сердца, коснется его глубин...
Но лучше Будды, что восседает один,
Может быть только тот Будда, кто в союзе!

Екатерина Нильская

*Будда в союзе — относится к буддийским изображениям, чаще всего в тантризме, где Будда или бодхисаттва изображен в объятиях с женской энергией, называемой дакини или праджня. Это изображение символизирует единство мужской и женской энергий, пустоты и блаженства, а также недвойственность всех явлений в буддийском учении.

— — жемчужная нить — —

Ты пытался со мною поговорить.
О том как хочешь меня любить,
Но я люблю Бога — о нем послушай.
Ведь только Он привлекает души!

Ты пытался со мною поговорить.
На груди у меня разорвется нить,
И жемчужины будут рассыпаны на полу.
И натянет Арджуна свой верный лук,

И забыв про всякий спор-разговор,
Выпустит из него мириады стрел,
Так о чем же ты? И о чем сыр бор?
Что сказать ты мне, Расскажи, хотел?

Ты пытался со мною поговорить.
Но внутри у меня будто все горит,
И огонь этот страстный не потушить,
От сиянья его продолжаю жить.

Ты послушай лучше, как Кришна сам
Истекал своей кровью на поле битвы.
Говорили, он творит чудеса,
И ему посвящали свои молитвы!

Храбрый воин атаковал возницу
Но поводья держа, не дрожали руки!
И вперед умчалась та колесница.
Кришна был украшен цветком кимшуки...

Ты пытался со мною поговорить.
Так давай о Раме, кто раздавить
Пожелал десятиглавого жука.
И легко поднялась для того рука.

И жука не стало. Почет и стыд!
Ведь стоит творение красоты,
Только Сита в огне призвана гореть,
Молодой ей суждено умереть.

Ты пытался со мною поговорить.
Я пыталась слушать тебя в пол уха,
Но твой голос создан беду творить,
В нем ни капли не слышно и силы Духа!

Ты пытался со мною поговорить.
На груди у меня разорвется нить.
И жемчужины будут рассыпаны на полу,
Только Дурга не даст воцариться злу!

Она зло уничтожит, неся трезубец,
И пронзит злодея своей рукой!
И смеется где-то мудрец-безумец.
Но никто не знает, кто он такой.

Ты пытался со мною вести беседу.
Только раковина возвестит победу!
Славный Индра Ваджру в руке несет!
Рядом с ним удача всегда во всем!

Ты пытался со мною поговорить.

Собираю жемчуг, чтобы надеть на нить.
Словно мать-богиня миры надевает себе на шею,
И носит, смеясь, их в качестве украшения.

— — ближнему помочь — познать бога — —

На что способен человек, воспитанный бедою?
Кого беда вскормила темным молоком?
Кого не любящая мать гладила рукою?
Кого беда гнала из дома босиком?

На что способен человек, чей ум охвачен страстью?
Чья одержимость заставляет к краю сделать шаг?
На что способен тот, чей взгляд, наполненный несчастьем,
На что способен тот, кому весь мир как враг?

Не ведаю, на что способен он.
Но сторонюсь его любой ценою!
И верю — меня любит небосклон,
Покуда жизнью я живу спокойной и земною!

И отвернувшись от того, кто сражается в одной из своих
главных битв...

Богами буду поцелован в свой горящий лоб!
Я прочитал так множество молитв...
И исходил святых могучих троп!

Я делал все, чтобы не наступала ночь!
И камни убирал, чтобы легка была дорога...
Но так и не узнал, что ближнему помочь —
Это и есть познать любовь и бога!

— — красота и бог — —

Красоту на суд божий вели.
Обвиняли во всем — том и этом,
Мол, из-за нее корабли
Курс теряя, бродят по свету.

Мол, из-за нее все мужчины
Как будто с ума посходили.
Несмотря на возраст и чины,
Они женщин красивых любили.

Красоту обвиняли во всем.
В том, что она недоступна.
Никому не бывать с ней вдвоем,
Потому что она неприступна.

Красоту обвиняли повсюду!
Что неверность — ее лик безумный.
Что предаст она, словно Иуда,

И исчезнет, легко и бесшумно.

Красоту обвиняли во лжи.
У нее два лица — говорили!
А второе лицо покажи!
Красоту прогоняли и били!

Красоту называли причиной войны,
Называли причиной всех бедствий.
Ради женщин красивых города сожжены,
Из-за них — череда сумасшествий!

Красоту обвиняли во многих вещах,
Позабыв, что недолог ее дивный век.
Что она появилась, чтобы восхищать!
И дарить тебе свет, дорогой человек.

Красоту на суд божий вели.
Только Бог стать судьей отказался.
Он сказал — от небес до земли,
Я такой красоты не касался!

Так оставьте нас наедине.
Мы взойдем на красивое ложе...
Красота достается тому,
Кто беречь и ценить ее может.

— — божество — —

Пусть сгущаются тучи над нами,
Тьма пусть правит свое торжество,
Пусть приходит любое цунами.
Прославляй лишь свое божество!

И тогда среди боли и ветра,
Средь грозы на большой высоте
Владыка небесного света
Даст руку тебе в темноте.

Поклонись трехглазому Богу,
И дочери дивной Горы!
Пред собой видишь эту дорогу.
Где сияют в единстве миры,

Пусть сгущаются тучи над нами.
Тьма пусть правит свое торжество.
Словно бык, упирайся рогами,
Прославляй лишь свое божество!

Екатерина Нильская

— — Тибет — —

Она из тех, кто может бросить все и уехать в Тибет,
Молиться Будде о нашем всеобщем счастье
Она никогда не думает о себе,
Звенят браслеты на тонких ее запястьях

Она из тех, кто может взойти на гору Кайлас,
Переспорить любого философа, и победить дракона,
Она среди нас, но она не одна из нас,
Она — королева, что вновь отеклась от трона

Она из тех, кто ходит среди простых людей,
Ее ласковый взгляд ласкает любых прохожих,
Она сияет в сладостной темноте,
И нет в этом мире совсем на нее похожих

Она из тех, кто срывает цветущие лотосы,
И говорит с богами о чем-то важном
Она поет красивым и мягким голосом
Она учит в песнях каждого быть бесстрашным

Она, может Тара зеленая, мать Будд,
Ведь кожа ее отликает оттенком зеленым,
В душевной боли ее к себе все зовут,
Поскольку она помогает всегда влюбленным

Она может, Кали, могучая Шивы жена,
А может, она никогда не рождалась на свете,
Никто не знает, когда она рождена,
Но кажется, что все люди ей словно дети

Она из тех, кто живет в сокровищах и миражах,
Она в драгоценных словах о любви и надежде,
Как можно живым быть и ее не обожать?
Несущую радость средь складок своей одежды?

Она из тех, кто может бросить все и уехать в Тибет,
Молиться Будде о нашем всеобщем счастье,
Она никогда не думает о тебе.
Поэтому ты несчастен?

— — Воплощенная ярость. Часть вторая — —

Полон всех совершенств. И в глазах его свет Луны,
И сияет любой, погрузивший в него свой ум,
Где танцуют миры, на спине их несут слоны,
И любимую биджей с уст Шивы слетает Хум.

Обладатель он спутанных, черных, как тьма, волос
Он вплетал в ее волосы только одни цветы,
И Сати находила ответы, задав вопрос,
И божественной Умой пылали его мечты.

Он любил ее нежно, он шутками обучал,
Левая половина тела, Сати — семья
Где всегда находил покой, находил причал,
Он давал наставленья лишь Ей в созерцаньи Я.

Он давал наставленья Майе очарований,
Она дочь, но не Дакши, а дочь Гималаев, гор,
Через Уму исполнилось каждое из желаний,
Из желаний Того, кто нам вынесет приговор.

Его Ума пленяет, и он пил нектар лица,
Пчелы вьются у лотосов, что на ее груди,
Та Богиня пылает, прокляв этот мир в сердцах,
И бездыханном телом на землю падет Сати.

Оскорбляли Ее, из чертогов любых небесных,
И из всех миров соглашается быть гонимой,
Но затронуть Его — то в Богине разверзнуть бездну,
За спиной у Сати этот Шива стоит незримо,

За спиной у Сати этот Шива, рожден из пепла,
Ужасающий Рудра, проявленный в ее крике,
Отдавая себя, та Богиня шагает в пекло,
Отдаваясь Ему, отдавая себя Владыке.

И в глазах у Сати мириадам миров разбиться,
Ганы, преты Кайлаша, сжигают себя за ней,
Умирать для Него, для Него снова воплотиться,
Это тело — иллюзия, что нам дано во сне.

Одному Ему преданность, верность ему под кожей,
Это тело — иллюзия, создано для забавы,
И расстаться с ним то, что кажется невозможным,
Но гораздо более проститься, расстаться с Бхавой.

И одно не то слово в сторону Махадевы,
И один не тот взгляд, ими брошенный на Него,
Он само ее сердце, он гимны, он мантр напевы,
Он ее Господин, Ее нежность, И суть всего.

Проявляясь в дыханье, и в лотосе ее сердца,
Выдыхая лишь Шиву, вдыхает его душа,
Для Сати Шива — воздух, в котором Ей вновь согреться,
Без объятий его не умеет она дышать.

Каждый вздох это боль, каждый вздох это только слезы,
Застывают мгновенья, сквозь пальцы текут они,
В этой ярости, боли, на сердце дожди и грозы,
Беззащитная нежность, что только Его хранит.

Тот особенный, вечный, они же не знали сами,

Унижение Его — это хуже, чем смерть, ища...
Как они все посмели, в лицо Ей о Нем бросали,
Разгоралась та буря в потребности защищать.

И ошибка отца, преступление Праджапати,
Опьяненный от боли, изведавший этот гнев,
О, воинственный Рудра, который любил Сати,
Воплощенная ярость, как оголенный нерв.

Он станцует на трупах, станцует на трупах наших,
На местах он кремаций Высшее Божество,
Он возлюбленный Ночи, Он страсть, и он пьет из чаши,
Той, что дал ему Тот, чье явление озорство.

И он Гуру богов, и Он гуру Ее души,
Он лингам и он столб, он сияющий вечный свет,
Брахма и сам Мурари, в начале времен решив,
Поклоняться ему... никогда не знавали бед.

Поклоняться ему... и ужасному лику Рудры
Он Агама, Пурана, Он Тантра, Он Сила Сил,
И Он Веда, Он шлока, Он мудрость, и он же — мудра,
Необъятное небо, и Йога, и свет светил.

Шестирукий, трехокий, проявятся пять голов,
Повелитель вселенных, спасает миры от яда,

Украшение Его — ожерелье из черепов,
Кхаджа, дханус, бана и гада.

Екатерина Нильская

— — Возлюбленный пламенной Госпожи. Часть первая

— —

Неумолимая ярость бушующих волн,
В бесконечном океане Сансары,
Его взгляд с поволокой безумия полн,
Отражающий все удары.

Неумолимая ярость божественных сил,
И из волоса гнев рожденный,
Неизбежна расплата, невыносим
Его взгляд, в боли затаенный.

Трещины, что расходятся по мирам,
И по сердцу у Дакши трещины,
Вирахадра идет — началась игра,
На защиту любимой женщины.

Мать Мира пылает, ярок огонь,
И сгорая в своем же пламени,
И Он не успел протянуть ладонь,

Той Сати, что для Шивы — Дхамини.

*Дхамини — Высшая Возлюбленная.

Шаг его безразличен, взгляд одержим,
Мы склонимся пред каждым жестом.
Он возлюбленный пламенной Госпожи,
Он бродячее совершенство.

Грохот страх рождает и страх внутри,
Отзывается в нас до дрожи,
Та Сати, что пылает, она горит,
И весь мир будет уничтожен.

Дочь, что следует по стопам отца,
Что удача, что Лакшми дома,
Отвернулся отец от ее лица,
Разве дочь ему незнакома?

Мы молчали тогда, не смолчим сейчас,
Задыхаясь внутри от крика,
Поддержать Ее каждый не смог из нас,
И за нами идет Владыка.

Мы молчали тогда, видя Ее боль,

Мы не слышали Ее глас,
Вырвав наши сердца, разрубив нас вдоль,
Он теперь не услышит нас.

Мы молчали тогда, и Ее в глазах,
В этом шаге на острийё,
Ом Намах Шивая рождает наш страх,
Ом Намах Шивая — любовь Ее.

Мы не думали о Его стопах,
Меж собой деля подношенья,
И теперь мы трепещем в Его руках,
Ведь Он сам — жертвоприношение.

Воздаянье пришло, этот час настал,
И мы будем полны вопросов.
Как посмели мы взять То, что он нам дал?
Сотрясался безликий космос.

Все в мирах только Рудре принадлежит
Он дыхание всех Сансар,
Если дышишь и если ты просто жив,
Это Шивы бесценный дар.

Он всегда в соцерзанье, Его зови,
Пробуди его из аскезы,

Он блаженство, блаженство Ее любви,
Он отшельник, держащий жезл.

Он материя темная, Сверхдуша,
Он порывы шального ветра,
Мы не помним как, как сейчас дышать,
Соткан он из вселенных фетра.

Шива Шамбо Шанкара, прекрасный сон,
И в руках его вспышкой звезды,
Зажигаясь, сгорают, один лишь Он,
Проступает сквозь наши грезы.

Свита ганов и претов всегда за ним,
Он сияние всех галактик,
И он в яростном танце неумолим,
Йог и мистик, и высший практик.

Он в тигровой шкуре, или же гол,
И в руках его только вина,
Он вселенные все превратит в танцпол,
Белоснежный, как камфора, как лепестки жасмина.

Полумесяц, сиявший на голове,
И Кайлаш аромат высот,
Манит даже Того, чей сам взмах бровей,

Полон всех совершенств, красот.

Неумолимая ярость бушующих волн,
Рухнут эти миры, планеты,
Где сгорела Она, какой боли полн,
Взгляд Того, кто сожжет нас следом.

Екатерина Нильская

— — книга Вед — —

Дорога к знаниям вела...,
Как знать ее секрет?
И ты по лестнице взошла,
Читая книги Вед...

Струились косы по плечам,
И взор твой голубой,
Явил начало всех начал,
И лебедь над тобой

Вспорхнул к огромным небесам.
Но ты не смотришь вслед.
Пусть он летает по лесам!
А ты — богиня Вед.

Расстаться с книгой, может быть,
Ты никогда не сможешь.
И лебеда вдруг полюбить...
Нет, это невозможно!

Взмахнули два больших крыла,
Простыл тот птичий след.
И ты взволнована была,
Закрыла книгу Вед.

Он устремился вверх к весам,
Уравновесить зло
С добром, и верить чудесам,
Чтоб солнышко взошло!

Тогда же почему за ним
Летишь ты, лебеда!
В твоих устах тот дивный гимн,
Что рушит города!

Дорога к лебедю лишь мгла...
Как знать ее секрет?
Ты Книгу Вед опять взяла,
Искать на то ответ!

Екатерина Нильская

— — Луна — —

Когда ночами над мирами восходит полная луна,
Когда земля, укрывшись снами, ею одной освещена,
Когда струится серебристый поток сияющих лучей,
И лунный свет подарит травам силу целителей, врачей;

Когда сиянием луны, словно сиянием амриты,
Поляны танцев для бессмертных столь удивительно зали-
ты,

Когда танцует юный бог, в чьей власти править мирозда-
нием,

Его не ведает никто, и о нем ходят лишь преданья,

И в отголоски тех легенд, тех древних, но живых историй,
Днем тяжело поверить сердцем, и хочется о них поспо-
рить,

Но когда светит лишь луна, и полумесяц тьму терзает,
Тогда ты веришь в них, как будто узрел своими же глаза-
ми!

Когда влюбленные в разлуке, встречаются во тьме ночами,
Свои дома покинув в страхе, идут, не ведая тропы,
Тогда Богиня с состраданьем глядит на них тремя очами.
И Луна путь им освещает — и это дар самой судьбы.

Когда сравнив лицо любимой с луною полной, луноликой,
Ее возлюбленный смеется, и встрече бесконечно рад,
Тогда откуда-то с вершин на них взирает Пятиликий,
Благословляет эту нежность тот самый сладкий в мире
взгляд.

Когда ночами над мирами восходит Чандра несравнен-
ный,

Когда земля, укрывшись снами, заснула вместе со вселен-
ной,

Тогда прекрасная Рохини среди звезд ярких и цветных,
На небесах, словно богиня, она рисует твои сны,

Когда восходит полумесяц... его заметив в небесах,
Ты поклонись ему с любовью, ведь он у Шивы в волосах!
Ведь мудрый бог с тремя очами, тот вечный и тот незем-
ной,

За нами смотрит каждой ночью, и освещает мир луной,

Не скрыты от него секреты всех ночных путников во тьме,
Тигровой шкурой он одетый, всегда живет в твоём уме,
Он видел танец Радхи с Кришной, что на поляне при луне,
Он Бог богов, он тот всевышний, что снится праведным
во сне!

Он с Парвати обходит землю. И странствует повсюду с чашей.

Трезубец держит, Ведам внемлет. И его облик очень страшен!

Но посмотри, среди его длинных, темных и спутанных волос,

Живет всегда владыка ночи — Луна, как царство наших грез,

Всегда омытая водою божественной святой реки,
Луна сияет вместе с Гангой — и они кажутся близки,
И Васуки, обняв за шею могучего среди божеств,
Владыка змей, что рядом с ними, обитель вечных совершенств,

Когда благой и вечный Шива дарит свои благословенья,
Тогда луна подарит травам силу любви и исцеленья,
А Ганга дарит людям правду, приверженность своим словам,

И Парвати дарит спасенье от боли разным существам,

Но иногда, во тьме не видно — ни человека, и ни бога.
Луну закроет тучей черной, и путник потерял дорогу.
И лотосы в озерах гибнут, лишившись сладости луны,
Будто возлюбленный с любимой — лотос с луной разлучены!

И разве лотос позабудет свою привязанность к луне?
О нет! Он все сильней стремится... Ее увидеть среди туч,
Так и любимый не оставит свою любовь даже во сне,
Будет с надеждой ждать и верой, чтобы увидеть первый
луч.

Екатерина Нильская

— — обманщик кришна — —

;Радха и Кришна;

Терзает страсть, как терзает она богинь,
Когда мужья-боги домой не идут с войны.
Смотрю в глаза твои, будто бы в неба синь...
Теряюсь в отблесках сказочной глубины.

Терзает страсть, как терзает она апсар.
Когда громовержец выбрал Шачи, не их.
Терзает страсть, как будто небесный дар.
Ты мой ураган, ты мой бесконечный вихрь.

Люблю тебя, люблю тебя, посмотри.
Во Вриндаване каждую ночь зовет меня флейта твоя.
Не спрашивай, почему, почему у меня внутри...

Я лишь с тобой понимаю, что значит Я.

Терзает страсть, как терзает она богов.
Когда богини танцуют в мирах небесных...
Мой дом, укрытие, мой бесконечный кров.
Забрал один ты. И не был при этом честным.

Обманщик Кришна, познай чувств моих безбрежность.
Кусай мои губы, целуй поскорей в уста...
Ответь, почему мою бесконечную нежность,
Покоряет твоя холодная красота?

Екатерина Нильская

— — иллюзия — —

Ум захвачен внешней формой, и гоняется за миражами,
Позабыв врагов внутренних, сражаешься с врагами внешними,

Позабыв имена божеств, что написаны на древних скрижалях,

Ты пришел на битву жизни, но в одиночку и пешим.

Ты оставил лук бесстрастия, и стрелу различающей мудрости.

Не принес с собой равное отношение к царям и собако-

едам.

Погрузился в глубины гнева, зависти, жадности, глупости,
Тратишь время на развлечения, и встречаешь повсюду бе-
ды.

Не стремится твой ум к Гималаям. Не манит Шива боже-
ственный,

И кажется, что вселенная твое Эго имеет центром.
Кажется, что вся жизнь — лишь случайное происшествие,
Ты не видишь смыслов глубоких, стоящих за каждым мо-
ментом.

Твоя Кундалини спящая, слегка пробудившись, злится.
Кусает себя за хвост, не знает куда идти.
К лотосу самопознания она вовсе не стремится,
Ты отравлен сансары ядом. Ты не видишь, мой друг, пути.

Божественное сознание сияющего дивного Шивы,
Отраженное в зеркале Шакти, себя больше не узнает,
Танцует на месте кремаций Бхайрава неустрашимый,
Ведь сердце матери Кали лишь только его зовет.

Когда ты познаешь мудрость? Сразишься с собственной
глупостью?

Когда остановишь бегство? Желаниям нет конца.
Когда засияет лотос в сердце истоком мудрости?

Когда ты познаешь Лилу? Игру самого Творца?

Ум захвачен внешней формой, и гоняется за миражами,
Вечный Вишну тобой недоволен — отвернувшись, в оке-
ане, спит.

И Арджуна роняет лук. Потому что руки дрожали.
Когда темноликий Кришна с ним снова заговорит?

Когда сразив Равану в битве, Рама придет за Ситой?
Когда прекратятся беды? Почему Хануман не пришел?
Посмотри на лица воинов, которые были убиты,
Потому что явили трусость, кривя собственной душой.

Иногда я гляжу на небо, которое хмурит брови,
Его затянули тучи, что вскоре дождем прольются.
Тогда кто-то тоже смотрит, наполненный лишь любовью,
Когда же наши дороги в одну навсегда сплетутся?

Когда же тела, и души, едиными наши станут?
Возможно ли это в эпоху, где правят лишь боль и страх?
Возможно ли это в мире, где ум миражом обманут,
Где ложь называют правдой, а правда дрожит на устах,

Не в силах слететь с этих уст. И в слово не обратится.
Поскольку правде не верят. И топчут ее ногами.
Быть может, эта Вселенная тебе и мне только снится?

Она — это лишь иллюзия, созданная богами...

Екатерина Нильская

— — великий Ом — —

Ты слышишь великий Ом?
Милый мой друг, скажи!
Священный слог, будто гром,
Сошедший с горных вершин,

Стекающий с горной реки потоком,
С уст ослепительного мудреца,
Чей разум следует за истоком,
Начала не ведает и конца!

Ты слышишь великий Ом? Ты слышишь тот громкий голос?

Как будто освобождает от горестей и оков,
Лаская на головах великий и мудрый лотос,
Имеющий целую тысячу сияющих лепестков!

Ты слышишь великий Ом? Знающий Истину от создания
мира и до праляйи,
Милый мой друг, скорее со мной идем!
Поцелуем с благоговением подножие Гималаев...

А ты отвечаешь мне: поцелуемся под дождем?

— — божество разрушенного храма — —

Моя любовь к тебе как божество разрушенного храма.
Одиноко стоит, не привыкшее к богатым дарам.
Молитвы в темноте не слышит темноликий Рама,
И свет лампад не освещает больше храм.

Завяли все цветы на тех гирляндах,
Что раньше украшали божество.
И в праздничные дни людей нарядных
Ты не увидишь, как идут на торжество.

Тот, кто служил когда-то божеству,
Скитается по миру с просьбами о подаянии,
Но некому и руку протянуть ему,
И дни проходят в сладостном отчаянии.

Моя любовь к тебе как божество разрушенного храма.
Порой я с жадой в сердце прихожу взглянуть,
На всех надежд крушение, на драму,
И кажется, что не могу вдохнуть.

Но все же легкие пропустят этот воздух,
Безмолвный, тихий, сладкий, но чужой.

Весь этот мир жестоким кем-то создан,
Кому живется в мире хорошо?

Моя любовь к тебе как божество разрушенного храма.
Где не проводят пуджи, не вершат молитвы.
Я словно Сита, что всегда без Рама,
Победу Раване сулят на этой битве.

Моя любовь к тебе как божество разрушенного храма.
И люди избегают этот храм.
Покрылось мурти пылью, милый Рама.
И наземь рухнуло, покорное ветрам.

Моя любовь к тебе как божество разрушенного храма.
Без веры смысла поклоняться нет.
Без Ситы одиноким будет Рама,
Ведь когда любишь, то сомнений нет.

Ведь когда любишь, веришь сердцем жадно,
Словам, что с губ слетают, без конца...
Ведь когда любишь, то целуешь беспощадно
Черты ее любимого лица...

Зажжешь лампаду, и творишь молитву,
Цветы ей даришь, чтоб создать уют.
И с ее именем шагаешь в гущу битвы.

Ведь когда любят, то не предают.

Моя любовь к тебе как божество разрушенного храма.
Одиноко стоит, не привыкшее к богатым дарам.
Молитвы в темноте не слышит темноликий Рама,
И свет лампад не освещает больше храм...

Екатерина Нильская

— — земные сыновья — —

Посмотри, как ссорятся всемогущие боги
из-за земных своих сыновей,

Как они не отбрасывают теней, не поднимают в пыли бровей,

Но каждый сыну передает лучшие тайны небесных сфер,
И возносит его через тысячи атмосфер

Чтоб подарить ему лучшее, что имеет.

Сын вернулся на землю — взошедшая карма зреет.

Знания отца текут у него в крови,

Его речь сладка, а поступки все — из любви!

Сын вернулся второй, с первым сходится на мечах,
Кто чему обучался — за то ему отвечать,
Боги волосы рвут на неседящих головах,

И молчит мать божья, поскольку она права

Посмотри, как всемогущие боги подбирают земным сыновьям невест,

Как сажают на троны, украшая гирляндой цветов,

Как учат истине, молча нести свой крест,

Посмотри, как ни один божий сын к этому не готов

Посмотри, как земные невесты очаровывают юношей тех небесных,

И они сыграв свадьбу, их любят возможно честно,

Но потом побывав на небе, вкусив танцовщиц райских улады,

С земной женой встретиться не рады

Посмотри, как сын бога несет свою ношу, ведь так велел отец.

Иногда он плачет — сказать это неприлично,

Но приходит рассвет, и как завещал творец,

Солнце светит всем, не проводя различий

Посмотри, как сыновья богов сходятся в битве, и каждый немного пьян,

И земля мать вбирает кровь, наливая себе в стакан,

И опьянев, танцует по полю битвы,

Пока кто-то шепчет усталым богам молитвы

— — Любящие глаза — —

Я вижу дивный белый лотос у всех людей на головами,
Я вижу в лотосе прекрасный юноша с сочувствием в Лю-
бящих Глазах,

Я вижу, что все миры Сансары являются только снами,
Я вижу, как сияют Три драгоценности в небесах!

Я вижу, как юные нарядные богини, из сердца моего рож-
дены,

Подносят юноше этому благовония, цветы и другие дары,
Как будто богини эти в него нежно влюблены,
Я вижу мой ум игривый танцует среди игры!

Я вижу дивный белый лотос над собственной головой,
Я слышу дивный сладкий голос, тайное знание Алмазного
пути,

Я слышу, что он обещает меня защищать, словно воин,
идуший в бой,

Я знаю мантру, какую следует произнести!

Я вижу Авалокитешвару Любящие глаза, сияющего в бе-
лом лотосе,

Из тела его яркое сияние распространяется над мирами,
И устраняются страдания всех существ в его нежном го-

лосе.

И богини, что из сердца моего рождены, осыпают его дарами...

— — где ты была — —

Она пришла к нему. Предвечный океан,
Несущий всю Вселенную на водах,
Шумел волной. Струилась боль из ран.
И в изумлении затихла вся природа.

Она пришла. Не зная, ждет ли он.
Иль спит на змее, утомленный после битв?
Она пришла. Словно со всех сторон
Был слышен шепот всех ее молитв.

Она пришла. Как Лакшми, что без лотоса.
В хлопковом сари. Как ей знать шелка?
Пришла словно немой молить о голосе,
Пришла путем, ведущим к облакам.

Она пришла. Но не была богиней.
Она хотела только лишь любви.
Но ждал ли он? И знал ли ее имя?
Хоть бога вездесущим назови,

Но знает он ли о судьбе песчинок всех?
На берегах всех океанов во вселенных?
Она пришла. Услышать его смех.
Утешиться улыбкой несравненной.

Она пришла. Песком сквозь его пальцы
Чтоб просочиться, и довольной быть.
Она была из тех многих скитальцев,
Кто странствовал, и так желал любить!

Она пришла. В руках подарка нет.
Хоть принято нести ему дары...
Тому, кто миру принесет рассвет!
Тому, кто сохраняет все миры!

Она пришла к нему. Предвечный океан,
Несущий всю Вселенную на водах,
Шумел волной. Шептал ей «Мир — обман!»
Иллюзия! Сансара! Непогода!

Он улыбнулся. Взгляд теплей огня.
Но взгляд не обжигает, а ласкает.
Она всю жизнь ждала такого дня,
В котором душа словно отдыхает,

В котором боли нет, и есть любовь,

В котором исполняются молитвы!

В котором злость не заставляет кипеть кровь,

В котором нет погибших после битвы!

Она пришла к нему. Предвечный океан

Приветствовал ее, словно богиню.

Она пришла из дивных дальних стран,

И повторяла только Его имя.

О вечный Вишну, дай мне обрести,

Иллюзию спокойствия и счастья.

Мне эту ношу как одной нести?

Возьми ее. Ведь это в твоей власти!

Позволь мне не встречать плохих людей,

Позволь мне не терпеть обиды снова...

Защитник мира, защити скорей!

Защитник мира и миров основа!

Дрожали губы, слезы лились градом.

Он с состраданием бросил нежный взгляд.

И в миг исчезли все ее преграды,

И шелковым стал хлопковый наряд!

И он позвал. К груди прижал сильнее.

«Где ты была, о ласковая Шри?»

Ведь без тебя все люди в мире злее.
Огонь в домах и вовсе не горит.

Ты потерялась. Хотя миг казался вечным,
Тебе приснился просто страшный сон.
Теперь со мной встречай родную вечность,
Смотри, сердца как наши бьются в унисон!

Ложись на Шешу. Спи. Пусть нидра-йога,
Тебе подарит радость бытия.
Не отдаляйся, о душа, от Бога!
Всегда будь рядом, нежная моя.

Екатерина Нильская
17.05.2025

— — большеокая — —

Большеокая богиня меня целовала в лоб,
Когда я заливалась слезами в своей кровати,
Та кровать была для меня словно бы настоящий гроб,
Я повторяла только «Пожалуйста хватит».

Меня замуж выдали рано, еще ребенком.
Я готовить училась, убираться, служить свекрови,
Помню, как мать родная меня отвела в сторонку,

Нарядила в сари, прощаясь с родною кровью.

Муж улыбочным был — поначалу я с ним смеялась,
А потом подросла и улыбка сошла с лица.
А потом подросла и всегда я его боялась,
Потому что ругался и бил меня без конца.

Деревенский пандит в храме Шивы пожал плечами,
Дал совет мне молиться, в ягье слева стоять от огня.
И тогда я впервые узрела — какими большими очами,
Наделена мать мира, защищающая меня.

Она мне улыбнулась дивно и пропала с глаз навсегда,
Я вернулась домой наивно — поджидала меня беда,
Почему по деревне бродишь, проститутка же словно ты...
И пощечина. «просто Шиве я хотела нести цветы...»

А той ночью он был особенно недоволен,
Но явилась подруга, одетая в юбку из рук человеческих,
Он был пьяным и оскорблял — с этим алкоголем
Он всегда был злым, и не мог узреть Деви вечной.

Многорукая Кали открыла свой рот, о счастье,
И слизнула его языком, потрясая гирляндой из черепов.
Так мой обидчик сгинул в ее пасти,
И я склонилась пред ней, Матерью богов.

И она мне сказала: «Спи, о дитя, не бойся.
И зови меня, если снова придет беда.
Ну а что скажут люди в деревне — не беспокойся.
Потому что это сущая ерунда».

Благодарности слезы я проливать была рада,
Стало подарком белое сари, которое носят вдовы.
Прославлять маму Кали всю жизнь стало мне наградой,
Разорвать с миром боли скорее свои оковы!

Екатерина Нильская

— — побег от тирана — —

из страшного Ада есть выход на крышу,
Краем сари укрываясь, поднимаешься туда еле слышно,
На грязных ногах браслеты звенят — это тебя выдать может,

Хотя казалось ничто уже не поможет

Но вот он, выход, прохладный воздух, Туласи неполитая,
Ты как она, сухая, всеми забытая,
Под холодным ветром любишься темнотой
И так знаешь, что шаг вперед должен быть простой

Ты не делаешь шага — пока еще думаешь только,
О ребенке, что спит внизу где-то в колыбели.
Он плод насилия, но ты любишь его поскольку,
Он часть тебя. Птицы с ветром тебе напели

Что нужна ты ему. Но назад ни за что не вернешься.
За тирана жестокого замуж отдал бедный отец.
Без приданого ты — и как птица что в клетке ты крыльями
бьешься,
Как твое, горят тысячи женских индийских сердец.

Зачерпнув воды в горшке, решив Туласи полить напоследок,
Глядишь, как сухая земля обретает живые черты,
И о жизни твоей отныне напишут газеты,
Как ты умерла от насилия и нищеты.

Твой муж выпил вина и уснул, очень дороги эти минуты,
Это шанс сделать шаг в пустоту, слившись с той темнотой.
Ведь не выдержишь ты той жестокости, что придет утром,
И зовет тебя небо, сияя своею звездой.

В бедном сари девчонка, чья юность пропала, и сгинула,
Так стояла на крыше индийского дома, дрожа на краю,
Ей, казалось, судьба навеки ее покинула,
Но тогда шепнул кто-то: «Я рядом с тобою стою!»

Она — образ всех женщин, чей крик никому не услышать.
Она в порванном сари, она — воплощение боли.

Ее вздрогнувших плеч вдруг коснулся божественный
Вишну,

И душа улетела из клетки как птица на волю.

Из страшного Ада есть выход на крышу,
Краем сари укрывшись, поднимаешься туда еле слышно,
И от боли бежишь, потому что никто не поможет...
И в такие минуты на флейте божественный Кришна

Как спаситель всех женщин, является из темноты.
И ему улыбаешься ты.

— — коробочка с синдуром — —

Коробочка с синдуром лежала на столе,
И девочка коробочку в руках беспомощно вертела.
Младшая сестра жила в крошечной мгле,
С тех пор как мать старшую сестру замуж выдать захотела.

Сестра навек уйдет, сестра... виновна та коробочка! —
В слезах твердила девочка лет всего восьми.
Боль детская вынесена за скобочки,
И не распознается взрослыми людьми.

Взяв ту коробочку с синдуром, С изображением Ганеши,
Она молилась — пусть сестра к мужу не уходит!
Но молчалив слоновий бог, и все молчат, конечно,
Все говорят, что муж сестре очень подходит.

Решив от синдура избавиться, чтобы сестра не ушла,
Она детской рукой ее бросила прямо в окно,
Но раскрывшись в полете, ее косы покрыла та красная
мгла,
Значит ей женой стать суждено?

Ни за что! Никогда! Она терла лоб рукой,
Ненавистный красный цвет проникал только глубже.
Девочки в Индии, с детства вступившие в бой,
С тем алым цветом, что жизнь их навеки разрушит.

Мужа вовсе не звать и вступать в неизвестности бездну,
Вдали от отца и матери жить рабыней в семье чужой...
Чем принять это, лучше бы вовсе навеки исчезнуть!
Чем пожертвовать своей душой..

— — дрожь — —

Не знаю, почему. Порой меня трясет
И эту дрожь во мне никто унять не может.

Как будто ураган, схватив меня, несет,
И нет покоя мне даже на мягком ложе.

Ищу покой — но где? Но где его найти?
Пытаюсь я тогда зарыться глубже в книги.
Но призрачных миров вкусив на том пути,
Я все еще дрожу, застывшая в том миге.

Ищу покой — но где? Порой иду к богам.
Рукой дрожащей глажу портрет Дурги-богини.
И кажется, на миг стихает шум и гам,
Но после вновь дрожу, твердя лишь ее имя.

Ищу покой — но где? Кто дрожь мою уймет?
И почему дрожу, я с головы до пяток?
Надеяться не смею, что эта дрожь пройдет,
Как будто боль людей во мне Создатель спрятал.

Не знаю, почему. Порой меня трясет.
И эта дрожь мне стала спутницей невольной!
Но отступает боль, как только он придет.
Прижмет к своей груди. И мне станет спокойно.

Я обниму его — а он в ответ меня.
И нет даже следов от этой жуткой дрожи.
Горит так ровно пламя домашнего огня.

Исполнилось все то, что было невозможным.

Не знаю, почему. Порой меня трясет.
Я будто бы тону в огромном океане.
Закрыв свои глаза, прижмусь к нему и все...
И тогда меня никто не может ранить.

Не знаю, почему. Порой меня трясет.
Мой страх безумен, и не слушаются ноги...
Как будто ураган, схватив меня, несет.
Как будто бы навеки отвернулись боги.

Я делаю лишь шаг — и падаю во тьму,
Кажусь себе песчинкой в мире необъятном...
Тогда приходит он. Я снова льну к нему.
Он говорит, луна имеет свои пятна.

Он говорит, что солнце светит после ночи,
Он говорит, что страх скоро сойдет на нет.
Тогда я с осторожностью распахиваю очи,
И кажется, меня приветствует весь свет.

— — синдур — —

Синдур прежних рождений в волосах ярким пламенем горит,

Сати воплотилась как Парвати, чтобы вновь Его обрести,
Шиву в сердце с рождения прелестная дева хранит,
И не знает, не знает, не знает иного пути...

— — шива могучий — —

Глубина глаз Шивы сравнима с глубоким морем.
С океаном, хранящим свои драгоценности на глубинах.
Он владыка вселенной, уничтожит любое горе,
Славься, Шива могучий и его вечный лингам!

Екатерина Нильская

— — русалка — —

Я помню как ты готовила мне кофе, привставая на цыпочки,
чтобы достать кружку с верхней полки...

Я помню, как ты, подобная моей личной катастрофе, бро-
дила по дому в моей футболке.

Я помню, как ты, единственная и нежная, осыпала меня
поцелуями после работы.

Я помню, как море любви безбрежное, меня твоим ликом
манило, и уносило заботы...

А больше я ничего не помню. Проснулся от сладкого сна.

Вышел на улицу, и что-то лучшее упустил, что-то навек потерял.

А на улице после холодной зимы опять расцветала весна. Только этой весной я на дно море за жемчужиной не нырял...

Чтобы этой единственной жемчужиной украсить твои ниспадающие по плечам волосы.

Чтобы ты казалась самой красивой в кругу подруг.

Чтобы словно русалка сияла своей красотой, и влекла голосом...

Этой весной разорвался порочный круг.

И я позабыл тебя — готовящую мне сладкое лучшее в мире кофе,

Любимую, обжигающую поцелуями, подобную личной моей катастрофе,

Бродящую по дому в моей футболке, кормящую кота с невинными глазами.

Я забыл твои нежные руки, тянущиеся за кружкой к верхней полке. Я забыл твои губы, наполненные чудесами.

Я бы волосы твои украсил

Коронами всех цариц, живущих во все времена.
Но смотрю на тебя — и свет гаснет,
Будто идет любовная, но война.

А потом бродил и удивлялся — почему мир не рухнул во-
все.

Почему без тебя мир стоит на месте, наполненный слад-
кими ароматами чьих-то чужих духов.

Пролетела весна. А за ней наступила осень.
Этой осенью был я главным из дураков.

Потому что не пытался вернуть тебя. Проиграл в этой глу-
пой борьбе.

Не желал тебе доброго утра. Не шептал тебе, что влюблен.

Потому что под всеми стихами, написанными о тебе,
Я был навек погребен.

— — о поэтах — —

Поджигая Рим, вдохновляясь зрелищем горящего Рима,
В надежде сложить строки о горящем городе,
Вы не сможете написать ни строки — вот же пантомима!
Потому что поэту в огне или же на холоде

Не нужны пожары, руки любимых, которые вы разжали,
Рим горит в вашем сердце — этого ведь достаточно?

А взирая с холма, не понять боль тех, кто Рим всегда обо-
жали,

Их страдания будут блеском пустым, загадочным!

Вы попробуйте не поджигать чужой Рим в надежде на
вдохновение,

А сгореть со своим Римом, ощущая все возрастающий
жар,

Вот тогда строки сложатся в песню, не знавшую вовсе за-
бвения,

Потому что лишь в сердце поэты зажигают свой личный
пожар!

Быть поэтом — значит писать как единственный выжить
способ,

Потому что если строки, что посланы небом, оставить в
уме,

Значит стать художником, чей рисунок — вечный набро-
сок,

Каждой ночью под веками проступает в крошечной
тьме...

И рисунок этот требует завершения!

В кошмарах является вечным наброском, дрожат кисти...

Точно также в устах поэта горят его предложения,
Он летит, подхваченный ветром строжайших истин,

Если не записать свои строки — можно умом совсем тронуться,

И скажут, что был поэтом, а выжил совсем из ума!

Лишь закончив стихотворение, можно слегка успокоиться.

Пока новой строкой к тебе явь не придет сама...

— — твой ангел хранитель — —

Твой ангел хранитель сети плетет над твоей головой,
И мягко ловит в них все летящие кирпичи,
Защищает тебя от опасности он любой,
Улыбается и молчит.

Твой ангел хранитель себе не приписывает победы,
Не любит себя хвалить — знаешь ты сама.
Он рад, если может тебе дать лампаду света,
Когда окружает тьма.

У твоего ангела хранителя руки всегда очень нежные,
Но все же тебя всегда берегут от зла.
Он дарит тебе даже в страшный миг надежду,
И в холоде дарит крупницы его тепла.

Твой ангел хранитель это тот, с кем ты незнакома,
Но он тебя знает и любит тебя любой.
Когда ты выходишь утром на свет из дома,
Он тенью следует только лишь за тобой.

Пусть ты на случайность и судьбу спишешь свои удачи,
Не зная о его помощи. Того, кто всегда с тобой.
От отсутствия похвалы ангел хранитель не плачет.
Ведь любят того, кого называют своей судьбой.

Твой ангел хранитель порой не может вдруг удержаться,
Ему хочется, чтобы ты знала, что он реален.
Но едва пред глазами пытается показаться,
Тогда ткань бытия распадается на детали.

Но иногда по ночам, когда душевная боль калечит,
И шепчешь себе в одиночестве: «Все сумею!»,
Едва ощутимые руки обнимают тебя за плечи,
Невидимыми губами кто-то целует в шею.

Твой ангел хранитель действует осторожно,
От страха быть узванным тает в предрассветном тумане.
И ты засыпаешь с улыбкой, отбросив свою тревожность,
Забыв обо всем, что когда-то могло твою душу ранить.

Твой ангел хранитель плетет вокруг тебя сеть защитную,
Одной лишь мыслью воздвигает меж тобой и миром неру-
шимые стены,

Он не может смотреть на тебя — столь беззащитную,
Будто Афродиту, рожденную в миг из пены.

Он спас свою Афродиту из глубоких морских пучин.
И потому защищает тебя повсюду.

Он из редкой породы вымирающих ныне мужчин,
Которые смотрят на женщину, как на чудо.

Нет, не восьмое чудо на этом свете и не первое даже.
А единственное чудо, случившееся в судьбе.

Твой ангел хранитель тебе о любви не скажет.
Он не признался в ней еще самому себе.

Он все кивает мол долг. Мне поручено небесами!
Защищать эту девушку нежную, похожую во всем на чудо.
На мир смотрю потому только ее глазами.
И знаете, любовь — ей свойственная причуда.

Мол этой самой любви в окружающих я не видел.
Я видел разные чувства — в спектре от боли до злобы.
Я видел, как кто-то кого-то отчаянно ненавидел,
С ненавистью умирают, и с ней идут в утробы.

И заново вновь рождаются все они на земле,
Но я только ее хранитель — какое до них мне дело?
Порой по ночам она молит о любви в предрассветной
мгле.

Но я храню вовсе не душу. Я охраняю тело.

Твой телохранитель плетет свои сети, ставит свои защиты,
Он спас тебя много раз. Хочешь об этом послушать?
Он пластыри снова клеит на ранах твоих открытых,
Он хранит твоё тело. Но не сбережет душу.

— — радха, отпусти — —

Радха любит его наверное слишком сильно.
Говорят: не люби, он уедет! Ходят слухи, что он царский
сын.

Но она смотрит в зеркало днем — и любит, как красива!
Он ее ни за что не оставит ради другой красы!

Радха любит его наверное слишком страстно.
Говорят: надоест ему, лучше будь недоступной ты!
Да разве нужна мужчине женщина, которая всегда соглас-
на?

Но она его видит снова, ее глаза словно цветы.

Радха любит его наверное слишком опасно.

Она замужем за Аяном, и Джатила-свекровь следит.
Но когда он уходит, то небеса гаснут...
А когда возвращается, душа к небесам летит!

Радха любит. Она ни на что другое и не способна.
Она с детства наслышана, что он хитрец, колдун.
Говорят: не люби. Не будь для него удобна!
Но его лик прохладный как миллионы лун.

И от жара страданий гасит холод его улыбки.
И ничто иное не погасит любви пожар.
Радха любит его так сильно, словно страшная это ошибка.
Радха любит его так сильно, словно он это божий дар.

Когда он уезжает в Матхуру, она делается невзрачной,
И теряет свое сияние. И сгущается тьма над ней.
Она любит его так сильно. Что делается прозрачной.
Отражая его черты. А ведь мы говорили ей!

А ведь мы говорили ей — не люби, Радха, отпусти!

Он ушел и покрылся тьмой каждый миг, что рядом с ним
был светел.

Он ушел — и жизнь перестала, в ней, как цветок цвести,
Говорят, она улетела. Вслед за ним, превратившись в ве-
тер...

Екатерина Нильская

— — Сова богини — —

Сова Богини всегда прилетает ночью.

Верхом на сове богиня летит во тьме, миром всегда любима,

Город сотней огней ночных освещаем бывает, впрочем,
А бывает темно — словно на океанских глубинах.

Сова Богини всегда прилетает ночью.

Порой без богини — богиня спешит на свиданье.

К темноликому Кришне, видя его воочию,
Богиня счастья танцует с ним в мирозданье.

Танцует Лакшми, не замечая времени и часов.

Тогда тяжело сказать по сове — она ли богини вахана?

Быть может, сова обычная, ведь в мире так много сов!

Летающих во тьме ночной, глазеющих на все страны.

Сова богини всегда ночью прилетает.

Ты видишь ее глаза, ты слышишь ее «Ух, Ух!»

Порой тебе страшно — словно мышь увидев, она тебя терзает,

А порой тебе радостно, словно она нежный буривух.

Сова богини, чье зрение зовут острым,
Ты видишь во тьме наши помыслы, наши битвы.
И мы к тебе обращаем свои вопросы.
И мы к тебе обращаем свои молитвы.

Прошу, встретив Лакшми, шепни ей о нас немного,
О том как тревожат в постели дурные сны.
Когда мы во тьме, мы не можем увидеть бога.
И зрением острым, как совы, обделены.

Может быть, твоя госпожа, которую любит Вишну,
Которая рождена лотосом, и потому как цветок нежна,
Быть может, она тогда о наших бедах услышит?
И среди больной зимы тогда расцветет весна?

Сова богини, ты о птенцах своих вовсе не бойся.
Я за гнездом присмотрю — ты лети, лети!
Взмахом крыльев как одеялом в ночи укройся,
И пусть Удача встретится на пути.

Екатерина Нильская

— — Шива и Парвати — —

Неизменно сопровождаемый дочерью Гор,
Кто на ищущем защиту всегда остановит взор,

Украшенный змеями, словно браслетами на руках,
Чей лоб украшен полумесяцем, сияющем в облаках,

Тот, кто подарил возлюбленной половину тела,
Кто разрушил гордыню злодеев своим трезубцем,
Кто любое в трех мирах дело способен сделать,
Кто танцует Тандаву, похожий совсем на безумца!

В его спутанных волосах Ганга потерялась, словно в лесу,
И разгневавшись на соперницу, Парвати заплела из волос
косу!

И тогда Ганга рекой на землю потекла быстротечной,
Чтобы возродить любовь, чистоту, человечность.

Сразившая Шумбху с Нишумбхой, испугалась браслетов-шипящих-змей!

Мол, кусают они ее, когда она Шиву обнять стремится.

Но стыдится сказать о страхе — взгляд отводит она скорей.

Шива понял тогда, что она змей его боится.

Устранитель страха, попросив змей покинуть тело,
Приняв облик пленительный, кто отведет свой взор?
Он чист как камфора, он словно лотос белый,
И с ним рядом от счастья смеется всегда Дочь Гор!

В доме павлин с мышью ужиться не могут вместе,
Родителям этих братьев не усидеть на месте!
Старший сын как безумный павлина с любовью лелеет,
Младший от расставания с мышью в тот же мгновенье
бледнеет!

Но то лишь игра богов, провидцев, и мудрых риши,
То лила благого Шивы — ответа иного нет!
Ведь по его дивной воле павлин испугался мыши!
И Картикея славный решил облететь весь свет!

Неизменно сопровождаемый Дочерью Горы,
Кто с любовью тремя глазами взирает на все миры,
Три города поразивший из лука одной стрелой!
С места кремаций пеплом украсив свое чело,

Увидевший грусть Богини, что дочери не имеет,
Отвел ее в Сад деревьев, где фрукты-желанья зреют,
Сестру Картикее с Ганешей, ТрехОкий бог, подари!
Под калпы-врикшей рожденную Ашоку-Сундари!

Порою Богиня Кали, темнокожая, как Сапфир,
На поле огромной битвы грозитя пожрать весь мир,
Тогда очарованный Шива под ноги ложится к ней,
И дарит спокойствие сердцу — и Калике веселей!

Екатерина Нильская

— — Три сына божественной Анасуйи — —

Когда-то боги пожелали испытать отшельницу святую,
Пред ней представ как три брахмана с непростым желанием!

Испугалась Анасуйя в миг молву людскую,
Воистину наполнен мир наш тройственным страданием!*

Не растерялась в ашраме живущая богиня,
И трех богов в младенцев обратила взором чистым!
Разумом подобная Играющей на вине*,
В деяниях своих подобная Солнцу многолучистому!*

Из груди молоко потекло — материнской любви исток,
И испив, три младенца сделались сильней!
Так когда-то Джакну выпил Гангу всего за один глоток,
Сделав реку дочерью своей.*

Так когда-то проглоченный Шивой наставник асуров,
Бродил по его желудку, не зная конца пути,
Потом восхваляя Сразившего Трипуру*,
Нашел путь наружу и смог из него изойти!*

Так Анасуйя чистая, подобная богиням,

Обрела трех сыновей, божественных младенцев.
Согласно их деяньям каждому дав имя имя,
И материнскую любовь, текущую из сердца!

Даттатрейя, рожденный из лона Анасуи святой,
Шестируким и трехговым всех удивлял обличьем,
Хоть сиял поистине редкостной красотой,
Но отрекся от мира, сделавшись безразличным!

Дурваса могучий, сияющий пылом своих аскез,
В чьих проклятиях скрыты благословения,
Преподнес гирлянду в подарок царю небес!
Став причиной Богини богатства из моря рождения.

Сома сияющий, луна, чьи лучи подобны нектару,
Развевались на ветру из созвездий его наряды...
Уничтожал страдания, подобные пожару,
В волосах Махадева дарил трем мирам прохладу!

Стихи — Екатерина Нильская

Пояснения от автора:

*Тройственные страдания — Страдания от ума, страдания от физического тела и страдания от стихийных бедствий.

*Разумом подобная играющей на вине — сравнение ума

Анасуи с умом богини знаний Сарасвати.

*Поступки Анасуи чистые и светлые, словно свет Сури.

*Мудрец Джахну выпил Гангу, которая затопила его ашрам, но она вышла из его тела через бедро мудреца и была признана его дочерью.

*Шива проглотил Шукрачарью, чтобы во время битвы богов и асуров Шукрачарья прекратил возвращать к жизни павших в бою асуров и боги победили. После этого Шукрачарья смог выйти из тела Шивы, и стал сыном Шивы.

*Сразившего Трипуру — Шива сразил одной стрелой три города трех сыновей Таракасуры, эти города носили название Трипура.

— — хранитель вечного огня — —

Дева, вы же знаете меня.

Я хранитель вечного огня,

Что в моих руках всегда горит,

Танцует пламя, отбивая вечной жизни ритм.

За руку вас взять я не смогу.

Дева, вы же знаете меня.

У вселенной я всегда долгу

Я хранитель вечного огня.

Боги дали это порученье мне.

Я хранитель вечного огня.
Тень свою отбросив на стене,
Отдыхает тень вместо меня.

Если брошу дело хоть на миг,
То погаснет всюду Агни вечный,
И тогда его огненный лик
Проклятье даст мне за мою беспечность.

Перестанут масло возливать
В огонь жертвы мудрые брамины.
Мир, сиявший, станет умирать,
Кшатрии покажут в битве спины.

Ведь огонь — уста вечных божеств.
Семиликий дивный рыжий конь!
Он обитель вечных совершенств,
Его хранит всегда моя ладонь.

Дева, вы же знаете меня.
Я хранитель вечного огня,
Что в моих руках всегда горит,
Танцует пламя, отбивая вечной жизни ритм.

Не могу за вами я пойти,
Вашим мужем стать я не посмею.

И если сможете меня простить...
Пусть другой гирлянду вам шею

Надевает с ясным чистым взглядом,
Пусть другой вас любит и хранит,
И сияя огненным нарядом,
Агни вас навек соединит.

Дева, вы же знаете меня.
Только все же рядом остаетесь.
Я, вас в том нисколько не виня,
Любуюсь тем, как сладко вы смеетесь.

Ваш один вопрос, слетевший с губ,
Удивил до глубины души!
Почему я все еще не труп?
Почему стою, как будто жив?

И меня не призывает небо?
Как я уцелел среди огня?
Как еще не обратился пеплом?
Просто вы смотрели на меня.

Как же руки не обжег я, дева?
Потому что вы ласкали взглядом.
Потому что вы стояли слева,

И ваш взгляд мне даровал прохладу.

— — Парамахамса — —

Лебедь растревоженной судьбы,
Крыльями взмахнув, взлетает ввысь,
Небо, небо! Если, если бы...
Я могла б сказать ему — приснись.

И он бы тот час же приснился мне.
Как по мановению руки.
Лебедем он, став в том дивном сне,
Плыл б ко мне по заводи реки.

Я была его бы лебедой,
И плыла б к нему сквозь все миры,
Лед любви растаял лишь водой,
Нет больше безумия игры.

Лебедь растревоженной судьбы,
Снится мне, плывущий по реке.
Небо, небо! Если, если бы...
Среди тьмы свет видеть вдалеке.

Среди зла — Парахамсу видеть.
Лебеда сознания Души!

Чтоб мог любить, забыв как ненавидеть,
Каждый, в чьих руках карандаши,

Кто картину жизни вновь рисует,
Где возлюбленных не уберечь...
Порыв сердца, что всегда ликует,
В череде безумных сладких встреч.

Ты — мой лебедь, буду лебедой,
Я как Дамаянти, ты — мой Нала!
Молоко не смешивай с водой,
В чистоте тебя душа узнала.

Ты мой Хамса, я твоя Пара,
Ты мой Пара, Хамса я твоя!
Снова начинается игра.
Кто победит теперь, любовь моя?

* Парамахамса — это высший уровень духовного развития, на котором санньяси достигает единения с «высшей реальностью». В переводе это слово означает «Высший лебедь» (состоит из парама, означающего «высший» или «трансцендентный», и хамса, означающего «лебедь или дикий гусь»).

*Нала и Дамаянти — индийские возлюбленные, в чьей ис-

тории любви связующим звеном стал лебедь.

— — качество — —

Качество бога — быть безупречным,
Лишенным кармы, всегда добродетельным и сияющим,
Идти не касаясь земли.

Если вести беседу, только о вечном.
Если быть кому-то поддержкой, то быть понимающим.
Чтобы все беды исчезали вдали.

Качества человека — жить в сомнениях,
Ошибаться, быть грешным, молиться Богу.
Не знать ответов.

Теряться среди людей, не зная где верное мнение.
Стоять на перепутье, не зная как выбрать дорогу.
Щуриться от яркого света.

Качество богини-матери — каждого человека, с любовью,
как сына,

Превратить во всемогущего бога, стоящего без опоры,
Способного воссиять.

Из потерянного безумца сотворить миров властелина,

И это на руку скорую.
Способна Богиня-Мать.

Екатерина Нильская

— — храм ее тела — —

На входе в храм ее тела я подносил цветы
Я целовал ее руки, подобные стеблям лотосов
И не мог напиться ее сладостной красоты
И не мог насладиться сладостью ее голоса...

— — мать блаженства — —

Стихотворение посвящается Сарасвати и всем творческим женщинам.

У меня нет ребенка — я все же мать,
И стоит это ли объяснять?
Я мать картины, стихотворенья,
я мать прекрасного угощенья,
Я мать всего, что я создала
— я мать всего, чем всегда была.

Я мать хрупкой ткани всего бытия,
Обрезав у ненависти края,

Я плету и тку в паутине дней
То, что делает нас сильней.

Я мать. Я чувствую за версту
Как кто-то шепчет лишь в темноту
Не зная, что я пошлю свой свет.
Спасу от тьмы — боли больше нет.

Я мать той радости, что создам,
Я мудрости мать — ум не по годам,
Я мать эмоций — в себе возвращу,
Цветы любви. Всех людей прощу.

Любая женщина — мать всего.
Она мать картины, стихотворенья,
Она мать музыки, угощенья,
Она мать песен, что пропоеет,
Она мать радости, что живет.

Мы матери тем детям, неземным,
Что проникают в чужие сны.
Мы рожаем надежду, любовь и веру,
И они проникают в любые сферы.
Мы из хрупкой ткани вселенной всей,
Полотно любви шьем во всей красе.

Если дам рождение злым словам,
Умыслу злому, недобрым жестам,
То я мать злобы, я зло создам...
Не лучше ли быть матерью блаженства?

Я мать картины, стихотворенья,
Я мать прекрасного угощенья,
Я мать той радости, что создам.
Сияющей в небе будто звезда.

Я мать музыки, и любви,
Я творчества кладезь — ты позови,
Горят идеи мои в огне.
Они днем и ночью идут ко мне.

У меня нет ребенка — я все же мать.
Ответственна за все, что я создаю.
Свои творения обнимать,
Как и те песни, что я пою.

Пусть нет ребенка — я все же мать.
Могу дать рождение угощеньям,
Могу дать рождение стихотвореньям,
Могу рожать миллионы книг,
Идеями сыпать как мир возник.
Могу дать рождение многим песням,

О том, как бывает прекрасно вместе.

Могу дать рождение злым словам.

Могу дать рождение недобрым жестам.

Но злые дела никогда не создам!

Не лучше ли быть матерью блаженства?

Екатерина Нильская

— — Дурга — —

Дурга;

Ее дивный лев уже в прыжке,

Ее третий глаз горит прекрасно,

И сияет царственно в руке

Трезубец, освещаая лик ужасный,

Армия асуров прочь бежит,

Кали чашу крови пьет до дна,

Левая часть тела задрожит,

Значит будет битва и война!

МахаЛакшми, Сарасвати, Кали,

Маха-Дурга, Маха-божество!

Мы тебя, Богиню, призывали,

В сердце возрождая волшебство!

Ее дивный лев на части рвет
Асуры застревают меж зубами,
Шива славу Дурге пропоеет,
И шагает Деви над богами!

В танцовщицах она воплощена,
И в девушках, что делают гирлянды,
И в храмах как прекрасная жена,
В девушках, украшенных нарядно!

На поле битвы в ней живет победа,
С ребенком на руках в ней материнство!
Когда повсюду тьма, она источник света,
Она богиня вечного единства!

В красном сари, с четырьмя руками,
Восседает в небе без опоры,
Лев взревел вверху над облаками,
И от рева задрожали горы!

Сада-Шива быть у ног любимой,
Много юг мечтал, дрожа от страсти,
Но не позволяют это гимны,
Ведь жена у мужа в вечной власти!

Ног жены коснуться — тон дурной!
Дурга вновь отказом отвечала!
Ведь только враг, убитый в битве мной,
У ног лежит! — И Дурга замолчала.

Тогда Кайлас оставив для Богини,
Став царем асуров, вечный Шива,
Махисасур — он обрел то имя,
Что звучало очень горделиво!

И в любви признался Многорукой,
Бык безумный, был влюблен в нее,
Но услышав звон тетивы у ее лука
Он в ответ послал свое копьё!

Дурга отвечает: Ты шакал!
С моим Шивой вовсе не сравнишься!
Шакал со львицей ввек не танцевал!
Поэтому гордыни ты лишишься!

И у ног Трезубцем покоренный,
Он лежал, губительно-влюбленный,
У стоп Богини, их рукой лаская...
Дурга улыбалась, кто Он, зная...

На ногах звенят Ее браслеты,
Махиша, пораженный в грудь трезубцем,
Целовал ей Ноги до рассвета...
Любовь Шиву сделала безумцем.

Со Льва сойдя, влюбленная богиня
Сотней рук Махишу обняла!
Никогда меня пусть не покинет
Та любовь, что в сердце расцвела.

Екатерина Нильская

Пояснения:

Стихотворение описывает величие богини, а также повествует о тайной игре (Лиле), в которой Шива превращается в Махишасура ради желания коснуться стоп Дурги. Он выражает это желание, но она отказывает ему, поскольку жена в индуизме не позволяет мужу касаться своих стоп. Однако поверженный враг в битве всегда лежит у моих стоп — говорит Дурга, как бы давая ответ как исполнить желание Шивы.

— — ЛОТОСЫ ОЧИ — —

И неважно какая юга,
И совсем неважна погода!

Они видят во сне друг друга,
День за днем или год за годом.

Ночи тянутся бесконечно,
Он так нежен — она юна.
Она любит мечтать о вечном,
О мирах, где всегда весна.

Говорят, ног всего четыре.
У той дхармы, что славят все.
Но когда они рядом, в мире
Расцветают во всей красе

Чистота, аскетизм и радость,
Смелость, что уничтожит страх,
Они вместе — даруют сладость.
Дхарма будто на ста ногах.

— У тебя лицо озеро чистое,
Раскрывает лотосы-очи.
— А ты словно солнце лучистое,
Освещаешь его после ночи.

Он подобен цветом сапфиру,
А она с дивным золотом схожа.
Ощущают блаженство три мира.

Исчезает любая тревожность.

Наслаждается Кришна с любимой,
Губы «Радха» прошепчут во сне.
После, облик приняв свой незримый,
Снова издали чудится мне.

И неважно какая юга,
Пусть эпоха сменяет другую,
Они видят во сне лишь друг друга,
Слившись в красоте поцелуев.

Екатерина Нильская

— — куркума, манго, лотос, ганга, гималаи, преданность

— —
Куркума, манго, лотос, Ганга, Гималаи, преданность.;

Специй царица куркума золотистая,
Яркая как солнце многолучистое,
Лицо невесты перед свадьбой делает сияющим,
А если в блюдах, делает здоровье процветающим!

Специй царица золотистая куркума,
Лицо жениха перед свадьбой делает привлекательным,

Она рождается как мудрость, что выходит из ума!
Сделает облик чарующими, разум — блистательным!

— —

Царь фруктов манго — кто ест его, всегда смеется,
Все дети Индии любят безумно манго,
Сам Хануман решил, что манго сокрыто в Солнце,
И полетел сквозь пространство под звук мриданга!

Царь фруктов манго — сочный, сияющий, сладкий,
Вкушая тебя, обезьяны не знали бед!
Сита на Раму взгляд бросала украдкой,
Взгляд сладкий как манго, сияющий словно свет!

— —

Царь цветов лотос, растущий в грязи пруда,
Лепестков никогда не коснется мутная вода,
Он остается чистым среди бед и боли,
Станьте как лотос — своей силой воли!

Царь цветов лотос томится в озере, словно в плену,
Лишь в нежных руках Лакшми он обретает дом,
Он ждет ее, пришедшую к озеру, только ее одну!
И от волнения дышит с большим трудом!

— —

Царица рек Ганга, текущая сквозь миры,
Из пальца Вишну на волосы вечного Шивы,
И в Брахмы сосуд стекает во время игры,
Ведь Ганга стремительна, и как богиня, играва!

Царица рек Ганга, запутавшись в волосах носителя трех-
зубца,
Вызвала ревность Парвати и поклонилась ей!
Приняв на голову могучую из рек, Шива стал похож на
безумца,
Непросто сдержать ее воды, что в мире всего быстрее!

— —

Царь гор Гималаи, могущественный, и снежный,
Обитель отшельников, всем дарит свою нежность,
Кто таит в сердце желанье от мира уйти,
Тому в Гималаи открыты дороги и все пути!

Там, в Гималаях, была мать Мира Парвати рождена,
Там в Гималаях Парвати замуж за Шиву была отдана,
Дорогие сердцу богов, возвышаются Гималаи,
И не разрушатся, вечные, до самой Пралайи!

— —

Как Гаруда царь птиц, лучший из пернатых,
так Вишну лучший среди богов,
Как Лакшми лучшая из дарующих награду,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.